

ЮРИЙ ГОРДЕЕВ

ИЛЛЮЗИЯ ИДЕАЛЬНОГО МАТА

ГИРЯНСК
1857

БОГ ВСЕ ВИДИТ

18+

КАЖДАЯ ФИГУРА ЗДЕСЬ — ЧЬЯ-ТО ЖИЗНЬ.
А ПАРТИЯ УЖЕ ИДЕТ.

Юрий Гордеев

Иллюзия идеального мата

<https://litres.ru/73929223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Середина XIX века. Провинциальный Гирянск задыхается от ужаса, копоти и коррупции. В городе объявляется Эломор - неуловимый серийный убийца, возомнивший себя карающим ангелом. Он выстраивает места преступлений по строгой шахматной геометрии, а его жертвы образуют жуткий кровавый акростих. Остановить маньяка берётся ссыльный петербургский сыщик Ратмир Калинин. Искалеченный, но с гениальным аналитическим умом, он принимает вызов. Его неожиданной союзницей становится Полина Исаева - вдова ростовщика, которой суждено стать последней фигурой в этой партии. Но идеальная логика даёт сбой: за маской маньяка скрывается холодный кукловод, всегда на шаг впереди. Когда Гирянск охватывают массовые пожары и хаос беззакония, интеллектуальная шахматная игра срывается в первобытную бойню. Чтобы спасти Полину, Ратмиру придется спуститься в настоящий ад подземелья старой мануфактуры. Столичному гению придётся отбросить правила и вступить в схватку, где интеллект бессилен перед грубой сталью.

Юрий Гордеев

Иллюзия идеального мата

Часть I. Дебют на грязном снегу

Глава 1. Чернозём и дерево

Колесо тарантаса ухнуло в очередную рытвину с тошным чавкающим звуком, и Ратмира Калинина швырнуло на жёсткую стенку кузова. Весна в Гирянске приходила не с каплей и птичьим щебетом, а вскрытием земляных гнойников — грязных, болезненных. Чернозём, перемешанный с талым снегом, превратился в хищную массу, жадно засасывающую конские копыта и спицы колёс. В кибитке смердело мокрой овчиной, потом ямщика и застарелым перегаром — этот запах упадка столичному изгнаннику предстояло вдыхать ещё долго.

Правая рука отзывалась на толчок слепящей вспышкой боли. Она давно перестала быть просто ощущением — за месяцы приобрела собственную, изощрённую архитектуру. Раздробленные пястные кости, криво сросшиеся после петербургского инцидента, реагировали на каждую перемену влажности; сейчас, в ледяной мартовской сырости, суставы стягивало будто ржавой проволокой. Ратмир машинально

прижал изувеченную кисть в чёрной перчатке к груди. Пальцы — узловатые, полумёртвые сучья — почти не слушались.

За мутным, в разводах засохшей грязи стеклом проплывала геометрия провинциального отчаяния. Город возникал из тумана кусками гнилого дерева: чёрные провалы подворотен, покосившиеся заборы, лабазы с облупленными вывесками. Ни плана, ни перспективы — только лужи, огромные, как озёра, заставлявшие редких прохожих жаться к стенам.

Калинин сглотнул горькую дорожную пыль. Доска расставлена. Только вместо палисандра — этот бескрайний тракт, вместо фигур слоновой кости — безликие люди, месящие грязь. Ссылка. Слово ударило сухо, как треск ломаемой ветки. Никакой трагедии — просто холодная констатация факта: гений, способный просчитать партию на тридцать ходов вперёд, не сумел разглядеть, что за карточным столом в министерском особняке правит не логика, а грубая власть казённого сапога.

Память, вопреки его воле, вернула его в тот декабрьский вечер. Малиновый бархат кабинета товарища министра, запах кубинских сигар и французского одеколona, смешанный с более тонким, но безошибочным душком страха, который источали проигравшиеся сановники. Ратмир тогда играл не в шахматы — в вист, и играл безупречно, потому что видел карты соперников не глазами, а расчётом: кто как держит веер, кто на сколько секунд задерживает дыхание перед сбросом. Он выиграл достаточно, чтобы унижить статского совет-

ника Вельяминова на глазах у его собственного покровителя. Ошибка заключалась не в математике. Ошибка заключалась в том, что Ратмир забыл: в Петербурге существует только одна настоящая партия, и она играется не за карточным столом, а в коридорах министерств, где законы логики бессильны против письма, положенного на нужный стол нужным человеком. Через три недели после того вечера пальцы его правой руки объяснили ему эту разницу на языке, который не оставлял пространства для апелляции.

Тракт под колёсами тарантаса не знал ни вистов, ни министров. Он знал только грязь, и в этом была своя, пугающе честная логика.

Ямщик выругался и охлестнул кнутом уставших лошадей. Тарантас, скрипя рессорами, выполз на площадь — булыжник под колёсами тонул в навозе и глине. Впереди, сквозь изморось, проступило двухэтажное здание присутственных мест, унылое, с осыпающейся штукатуркой. Там, за тусклыми окнами, ждал губернатор Платон Черкасов, к которому Ратмир обязан был явиться немедленно.

Левая рука стёрла со лба холодную испарину. Калинин закрыл глаза, отгоняя пульсацию в запястье. Пора выходить. Отворить дверцу и добровольно опустить начищенный столичный сапог в чёрное месиво — оставить прошлую жизнь за спиной. Документы в кожаной папке тянули карман сюртука, как свинец. Повозка дёрнулась в последний раз и замерла у покосившегося крыльца.

Медная ручка поддавалась не сразу — заскрежетала ржавым металлом. Ратмир толкнул дверцу здоровым плечом. В лицо ударил сырой ветер с запахом гнилой капусты и выгребных ям. Он занёс ногу над серой пузырящейся жижей и опустил подошву прямо в неё. Чавкающий звук прозвучал как приговор. Грязь облепила тонкую кожу сапога и поползла выше, к щиколотке.

Улица вокруг жила своей убогой, механической жизнью. Мимо, вжимая лица в воротники, семенили серые силуэты — мещане, лавочники, безымянный сброд. Никто не смотрел на застрявшего в распутице барина: в Гирянске чужое унижение было не зрелищем, а частью пейзажа. Опираясь на трость с тяжёлым серебряным набалдашником, Ратмир сделал первый шаг. Остриё ушло в чернозём на треть — пришлось вырывать его силой.

Где-то в петербургской жизни, теперь казавшейся не более реальной, чем чужой сон, подобное унижение стало бы предметом пересудов на неделю вперёд. Здесь же равнодушные толпы было почти милосердным: никто не станет злорадоваться над столичным франтом, барахтающимся в грязи, потому что грязь — это то небольшое, что в Гирянске было доступно решительно всем, невзирая на чин.

До крыльца оставалось пять шагов. Пять пустых клеток по диагонали. Он шёл тяжело, с присвистом, чувствуя, как ледяная вода просачивается сквозь швы обуви. Искалеченная кисть под сукном пальто пульсировала тягучим жаром.

Каждый неверный шаг на скользких ступенях отдавался в запястье вспышкой боли. Он стиснул зубы так, что заныли корни, и не позволил себе застонать.

Тяжёлая дверь, разбухшая от сырости, сдалась только под всем его весом. Внутри было сумрачно и душно: кислые чернила, мышинный помёт, табачный пепел, немытые тела — универсальный запах бюрократической безысходности, знакомый на любом краю империи. Здесь, на окраине, он казался лишь гуще.

Ратмир на мгновение задержался на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку после серого, но всё же яркого дневного света. За эти несколько секунд он успел подумать о том, что в Петербурге запах присутственных мест был почти неотличим от здешнего — та же смесь бумажной плесени и людского унижения, только разбавленная французскими духами просителей познатнее. Провинция ничего не изобрела заново; она лишь очистила столичную формулу власти от косметики, обнажив её неприглядную суть.

Вестибюль подчинялся строгой, но больной геометрии. Вдоль облупленных зелёных стен тянулись деревянные скамьи, отполированные задами просителей; сейчас они пустовали. В дальнем углу, под окном, засиженным мухами, горбился над конторкой мелкий писец. Скрип пера по бумаге был единственным звуком в мёртвой тишине.

На стене, криво прибитый к штукатурке, висел портрет государя императора — потемневшая от копоти рама, заси-

женный мухами лик, взирающий на вверенную губернию с выражением монаршей скуки, которую, казалось, разделял с ним весь этот дом. Рядом, на облезлой этажерке, лежала стопка Табелей о рангах, чьи обложки от сырости слиплись в единый, нечитаемый ком. Ратмир скользнул по ним взглядом и отметил про себя: даже бюрократия здесь гнила физически, а не только метафорически.

Ратмир, подволакивая занемевшую от холода ногу, подошёл к барьеру. Левой рукой достал из-за пазухи предписание и бросил на засаленную стойку. Бумага шлёпнулась коротко, категорично.

Писец — с изрытым оспой лицом и водянистыми, пустыми глазами — поднял голову без всякого трепета перед столичным гостем. В его взгляде читалась только усталость машины, годами перемалывающей чужие судьбы в бумажную труху. Он смерил Калинина взглядом, задержался на грязных полах пальто и скосил глаза на печать.

— К его превосходительству, — голос Ратмира прозвучал хрипло, будто он неделю молчал. — Калинин. По предписанию из канцелярии министра.

Писец моргнул. Губы дрогнули не то подобострастной улыбкой, не то гримасой зубной боли. Схватив бумагу пальцами с чёрной каймой под ногтями, он сполз с табурета и, шаркая войлочными подошвами, скрылся за дверью, обитой рваным дерматином.

Калинин остался один. Слушал, как с его собственного

подола на гнилые доски пола падают капли талой воды. Ожидание хода. Самая изматывающая фаза любой партии.

Глава 2. Ход белых

Утро ввалилось в комнату не светом, а серой формой мрака. Ратмир лежал на продавленной койке, глядя в растрескавшийся потолок — трещины на пожелтевшей штукатурке складывались в карту мёртвого континента. Воздух в снятой им берлоге на окраине Гирянска был тяжёл, спёрт, пропитан запахом мышей и кислой капусты, тянувшимся из щелей в полу.

Он повернул голову. На колченогом столике, рядом с нетронутым стаканом мутной воды, лежал предмет, чужой этой убогой геометрии. Чёрный конверт.

Калинин нашёл его ещё вчера, вернувшись после пустого визита к губернатору Черкасову. Конверт просто лежал там — матовое пятно на пыльной древесине. Ни марок, ни штемпелей. Никаких следов взлома. Кто-то вошёл сюда тихо, как тень, и оставил след.

Здоровая левая рука потянулась к столику. Пальцы коснулись бумаги — не местной дрянной целлюлозы, расплзающейся от влаги, а плотной, шероховатой веленовой бумаги ручного литья, с едва уловимым рельефом водяных знаков. Таковую в столице заказывали в Англии аристократы, помещенные на родословных. В Гирянске она смотрелась так же чужеродно, как бриллиантовое кольцо на шее портовой шлю-

хи.

Он сломал чёрную сургучную печать без герба и развернул лист.

«Милостивый государь, Ратмир Николаевич. Весьма слышан о Вашем беспримерном таланте выстраивать непроницаемые редуты на шестидесяти четырёх клетках. Полагаю, петербургская скука и излишняя самоуверенность притупили остроту Вашего ума. Здешние же края предлагают партию иного толка. Доску я уже расставил. Право первого хода уступаю Вам как гостю, хотя белые фигуры принадлежат мне. Не затягивайте с дебютом — время в нашей трясине течёт непредсказуемо».

Подписи не было.

Калинин сел, спустив босые ноги на ледяной пол. Правая рука на колене привычно заняла тупой болью. Он поднёс письмо к глазам.

Текст был выведен от руки — почерком неестественной, нечеловеческой правильности. Каждая буква ложилась под сорок пять градусов, нажим пера нигде не дрогнул. Но больше каллиграфии Ратмира зацепил сам текст.

Синтаксис. Безупречный и мёртвый — так писали лет пятьдесят назад. Сложноподчинённые предложения выстроены с математической жестокостью, ни одного лишнего союза, ни одной эмоциональной слабости. Слова подогнаны друг к другу, как гранитные блоки в усыпальнице. Чернила тоже были не случайны — глубокий антрацитовый цвет с красно-

ватым отливом по краям штрихов: орешковые, замешанные по старому рецепту с железным купоросом, дающим странный металлический запах, перебивающий вонь комнаты.

Ратмир брезгливо бросил письмо на стол.

Провинциальный фарс. Кто-то из окружения пьянчуги-губернатора навёл справки, узнал причину ссылки и теперь тешит самолюбие, изображая злого гения. Дешёвая театральщина, недостойная ответа. Игнорирование — лучшее оружие против скупающих интриганов.

И всё же что-то в этой бумаге отказывалось укладываться в рамки провинциального розыгрыша. Ратмир вновь взял письмо, на этот раз левой рукой поднеся его ближе к свету огарка. Расстояние между строками было одинаковым до последней линии — ни одна из них не напознала на соседнюю, ни одна не отклонялась от горизонтали даже на волос, хотя писавший явно работал без линейки: следов подложенного трафарета на обороте не было. Такая дисциплина руки достигается либо десятилетиями каллиграфической муштры, либо болезненной, вычитанной из немецких трактатов одержимостью симметрией. Ратмир отложил это наблюдение в дальний ящик памяти, не желая пока признаваться самому себе, что его аналитический аппарат, вопреки решению игнорировать записку, уже начал препарировать её по косточкам.

Он с трудом поднялся и принялся одеваться — ритуал, требовавший теперь вдвое больше времени из-за изувечен-

ной кисти. Застегнуть пуговицы одной рукой — задача на холодный пот и стиснутые зубы.

Когда Ратмир натягивал непросохшие за ночь сапоги, тишину коридора разорвали тяжёлые шаги. Половицы застонали под чужим весом. Раздался стук — короткий, сухой, сделанный не костяшками пальцев, а рукоятью трости.

— Открыто, — глухо бросил Калинин.

Дверь распахнулась, впустив облако морозной сырости. На пороге стоял Эдуард Маслов, начальник гирянского сыска — грузный, с одутловатым лицом, седыми усами, прокуренными до желтизны, и взглядом человека, давно понявшего устройство этого мира и разочаровавшегося в нём. Расстёгнутая шинель была забрызгана свежей грязью.

Полицмейстер переступил порог, не снимая фуражки. Взгляд скользнул по комнате, как лезвие бритвы — постель, умывальник, сам Калинин, — и на долю секунды задержался на чёрном конверте.

— Доброе утро, Ратмир Николаевич, — голос Маслова напоминал скрежет несмазанного колеса. Ни враждебности, ни почтения — только глухая усталость. — Извините за ранний визит. Надеюсь, вы не слишком привязаны к петербургской привычке почивать до полудня.

— В этом климате сложно спать, господин Маслов, — сухо ответил Калинин, опираясь левой рукой на спинку стула. — Чем обязан? Неужели надзор за ссыльными требует личного присутствия начальника полиции?

Маслов хмыкнул, доставая помятый портсигар. Щёлкнула крышка.

— Надзор меня интересует в последнюю очередь. Губерния гниёт и без вас. У меня дело иного свойства. Час назад в Сенном тупике, за скотобойнями, дворник нашёл тело.

Калинин приподнял бровь, не выражая интереса.

— И при чём здесь я? Криминальные разборки пьяных мастеровых меня не касаются.

— Это не мастеровой, — Маслов стряхнул пепел на пол. — Алябьев. Пётр Ильич. Мелкий делопроизводитель земельного управления. Тихий, трусливый, взятки брал мало, потому что никто не давал. Горло перерезано от уха до уха. Чисто, одним движением. Никакой пьяной возни.

Он замолчал, пронзительно глядя на Ратмира. Тишина стала плотной, как войлок.

— Но интересна не смерть, Калинин. Интересен натюрморт. Часы серебряные при нём. Кошелек с тремя рублями при нём. Убийца ничего не взял. Зато кое-что оставил.

Полицимейстер сунул пальцы в карман кителя и разжал ладонь.

На грязной ладони лежала деревянная фигурка — светлого дерева, тщательно отполированная, покрытая бурыми подсохшими пятнами.

— Эта штука, — глухо сказал Маслов, — была засунута Алябьеву глубоко в глотку. Так глубоко, что судмедик едва вытащил её щипцами. Вы же шахматист, Ратмир Николае-

вич. Скажите, я не ошибаюсь — это белая пешка?

Взгляд Калинина упал на раскрытую ладонь. Пехотинец, вырезанный из дерева, был измазан бурой слизью — кровью и желудочным соком. Табачный дух Маслова внезапно отступил, перебитый тонким, сладковатым зловонием недавней смерти.

Ратмир не отшатнулся. Физиология убийства никогда не вызывала у него трепета, но в этом окровавленном предмете крылась математическая неизбежность, пугавшая куда больше вида трупа. Он снял пешку с ладони Маслова двумя пальцами левой руки. Дерево оказалось плотным, тяжёлым. Самшит. Тонкая работа, вырезано не тупым базарным ножом. Основание утяжелено свинцом — чтобы фигура уверенно стояла на доске. Или чтобы легче проскальзывала сквозь порванные связки.

— Белая пешка, — подтвердил Калинин бесцветным голосом, поворачивая фигурку. Кровь запеклась в резных бороздках воротника. — Классический стаунтоновский дизайн. Дорогой набор.

Он поднёс фигурку ближе к тусклому свету, падавшему из окна. На плоском основании, там, где резчик обычно оставляет клеймо мастерской, виднелось едва различимое тиснение — не купеческое клеймо гирянских лабазов, а латинские буквы, стёртые от частого обращения с фигуркой в руках. Ратмир не смог разобрать надписи целиком, но и того, что осталось, хватило, чтобы понять: набор был заказным,

штучным, вероятно, привезённым из столицы или вовсе из-за границы. В Гирянске такую вещь мог позволить себе едва ли десяток семей, и это сужало круг подозреваемых куда эффективнее, чем любой полицейский обход.

Маслов не сводил с него тяжёлого взгляда — не гнев служителя закона, а угрюмое подозрение человека, привыкшего искать гниль в каждом встречном.

— Вы приехали в Гирянск третьего дня, Ратмир Николаевич, — процедил он, пряча руку в карман шинели. — С репутацией человека, который видит мир как расчерченную доску. И этим же утром кому-то приходит в голову фаршировать глотку чиновника шахматными фигурами. Я академий не кончал, но совпадения в моём ремесле — обычно дурно замаскированный умысел.

Калинин усмехнулся одними губами. Искалеченная рука под сукном пальто дёрнулась в спазме.

— Если бы я хотел убить мелкого канцелярского служащего, господин Маслов, я бы не тратил на него самшитовую пешку английской работы. Купил бы нож за пятак и нанял пьяного оборванца. Экономически целесообразнее.

— Люди вашего склада редко мыслят категориями пятаков, — парировал Маслов, сделав шаг вперёд, заставляя Калинина отступить к кровати. — Вы мыслите символами. Зачем забили её в горло? Что это значит на вашем птичьем языке?

Ратмир замолчал, взвешивая варианты. Можно было вы-

ставить Маслова за дверь, сославшись на усталость. Полиция Гирянска всё равно ничего не докажет — их методы слишком топорны. Но внутри уже раскручивался холодный маховик аналитики. Он перевёл взгляд с пешки на чёрный конверт.

Провинциальный фарс обернулся вскрытой яремной веной.

— Фамилия убитого — Алябьев? — медленно произнёс Ратмир.

— Пётр Ильич. Да. А это имеет значение?

Калинин, тяжело прихрамывая, подошёл к столу, взял письмо и молча протянул Маслову.

— Читайте. Нашёл на столе час назад. Печатей нет, замок не сломан.

Маслов недоверчиво взял лист. Густые брови сошлись на переносице, пока он скользил взглядом по строчкам. С каждым словом его лицо мрачнело, приобретая оттенок мокрой глины. Он дочитал, перевернул лист в поисках скрытой подписи, снова уставился в текст.

— «Белые фигуры принадлежат мне», — процитировал он вслух, с расстановкой. — Значит, Алябьев — это...

— Первый ход, — закончил за него Калинин. Он бросил окровавленную пешку на стол, рядом с конвертом. Свинцовое основание глухо стукнуло по столешнице. — Дебют. Пешка е-два — е-четыре. Самое банальное начало партии. Белые диктуют темп.

Маслов яростно затушил окурок о край умывальника, оставив на эмали чёрное пятно.

— Какого дьявола ему понадобился Алябьев? Тишайший человек. Вдов, детей нет, имущества — комната в клоповнике да пара сюртуков. Кому он дорогу перешёл?

— Вы не туда смотрите, Маслов. Ищете мотив в человеке. А нужно — в системе, — Ратмир подошёл к окну. За мутным стеклом Гирянск тонул в весенней распутице. — Убийце плевать на Петра Ильича, на его долги и добродетели. Его интересовала только первая буква фамилии. «А». Алябьев.

В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только сиплым дыханием Маслова и чавканьем колёс телеги по грязи за окном. Полицмейстер был циником, а не дураком — он быстро сопоставлял факты, и картина, вырисовывавшаяся в его сознании, заставляла руку тянуться к рукояти револьвера под шинелью.

— Алфавит... — выдавил он, напрягая челюсть. — Вы хотите сказать, этот ублюдок...

— Выстраивает структуру. Да. Безупречную, лишённую эмоций. Это не пьяная резня в подворотне. Это архитектурный проект смерти. И теперь, согласно правилам этого послания, очередь за чёрными. За мной.

Ратмир повернулся к полицмейстеру. Бледное лицо с острыми скулами казалось маской из серого гипса. Искалеченная рука в кармане брюк судорожно сжалась — новая волна боли, — но голос оставался ровным.

— Если я не отвечу ходом на доске, он воспримет это как отказ от игры и просто перейдёт к следующей букве. «Б». Кто у нас в Гирянске самый заметный на эту букву? Купец Богатырев? Делец Багров?

Маслов тяжело сглотнул. Крупные капли пота выступили на лбу.

— Нам нужно осмотреть место преступления, — хрипло сказал он, хватаясь за привычный алгоритм, как за спасательный круг. — Тело ещё в Сенном тупике, в грязи. Вы поедете со мной, Калинин.

— Я не криминалист, чтобы ковыряться во внутренностях.

— Зато вы знаете, как ходят эти чёртовы деревяшки. Одевайтесь.

Ратмир молча наклонил голову, признавая неизбежное. Партия, которую он счёл графоманской выходкой, вцепилась ему в горло. Он завернул окровавленную пешку в чистый платок и опустил во внутренний карман пальто. Она легла туда тяжёлым, ледяным грузом.

Глава 3. Принуждение к игре

Сенной тупик пах прокисшей кровью, мокрой шерстью бродячих собак и гнилой соломой — запах, намертво въевшийся в память Ратмира вместе с металлическим привкусом орешковых чернил из утреннего письма. Осмотр не дал полиции ничего, кроме грязных сапог и ощущения собствен-

ной беспомощности. Труп увезли на скрипучей телеге, оставив в месиве лишь глубокий отпечаток, заполнявшийся мутной водой.

Местные зеваки, сбежавшиеся поглазеть на кровавое пятно прежде, чем его смыл дождь, обменивались версиями одна нелепее другой: то ли поляк-контрабандист свёл счёты с должником, то ли сам чёрт прошёлся по тупику в ночь на Страстную. Ратмир слушал этот гул суеверий вполуха, отмечая про себя лишь одно: страх в этом городе облекался исключительно в знакомые, обжитые формы — черти, поляки, кабацкие враги. Ни одна живая душа здесь не готова была допустить мысль о том, что убийца может мыслить не ножом, а буквой.

Вернувшись в комнату, Калинин не стал растапливать печь. Сел за стол, положив здоровую руку поверх чёрного конверта. Искалеченная покоилась на колене, пульсируя болью, будто внутри суставов медленно проворачивали ржавый гвоздь.

Правила обретали форму — невидимые, но прочные геометрические линии, запирающие его в каркас неизбежности. Эломор — имя, всплывшее из глубины интуиции, которым Ратмир решил окрестить противника, чтобы хоть как-то персонифицировать пустоту, — играл белыми. Он диктовал темп. Алфавитный порядок жертв не был садистской прихотью; это был метроном. Алябьев. Буква «А». Если Ратмир проигнорирует вызов, Эломор просто сделает следующую

щий ход за него. Буква «Б». И так далее, пока город не захлебнётся в методичном терроре.

Отказ от партии означал соучастие.

Калинин криво усмехнулся в полумраке. Столичный изгнанник, лишённый статуса и будущего, вдруг оказался единственным узлом, скрепляющим ткань этого гниющего города. Ему нужен был обзор доски и материала. А вся уездная, проворовавшаяся и скучающая «элита» Гирянска собиралась в одном месте — в доме вдовы фабриканта Полины Исаевой.

К вечеру распутица подмёрзла хрупкой коркой льда. Дом Исаевой, из тёмно-красного кирпича, возвышался над деревянными постройками, словно крепость посреди упадка. Окна светились маслянистым жёлтым — тепло, которое в Гирянске стоило непомерно дорого.

Ратмир оставил одежду угрюмому лакею и шагнул в анфиладу комнат.

Салон Исаевой был жалкой, но отчаянной пародией на петербургские гостиные. Тяжёлые портьеры, скрывавшие облупленные рамы, пахли нафталином и дешёвой пудрой; воздух был густ от сигарного дыма, чая с коньяком и кисловатого душка немытых тел, который не могла перебить ни одна французская эссенция.

Калинин замер у входа, опираясь на трость. Глаза начали методичное сканирование зала. Геометрия. Расстановка сил.

В углу, у ломберного стола, грузно осел Савелий Багров,

купец первой гильдии — тело перетекало через края кресла, глазки-бусинки цепко следили за картами. У камина неестественно прямо стоял губернатор Черкасов, лицо в сетке лопнувших капилляров выдавало тихий алкоголизм; он что-то вяло вещал старой деве в чепце. Между тяжёлыми фигурами сновали пешки — чиновники, офицеры, жёны коммерсантов — броуновское движение сплетен и зависти.

Над всем этим хаосом возвышалась она.

Полина Исаева сидела в кресле у противоположной стены, как паучиха в центре паутины. Закрытое платье тёмно-синего шёлка без кружевных излишеств подчёркивало не траур, а прагматичную натуру владелицы. Узкое хищное лицо, бледная кожа, тёмные глаза без капли сентиментальности. Её магнетизм строился не на попытке нравиться, а на спокойном контроле над чужими слабостями.

Ратмир, привыкший в петербургских салонах мгновенно распознавать иерархию по мельчайшим деталям — по тому, кто первым встаёт при появлении хозяйки, кто позволяет себе сесть без приглашения, — с холодным удовлетворением отметил, что здесь эта иерархия была выстроена не менее строго, хотя и без внешних атрибутов чинов и орденов. Купец Багров держался особняком, демонстративно не замечая вдову, но каждые несколько минут бросал в её сторону короткие, оценивающие взгляды — так смотрят на конкурента, чей капитал больше твоего, но происхождение ниже. Губернатор Черкасов, напротив, старательно избегал этих взгля-

дов вовсе, как человек, задолжавший больше, чем готов признать вслух.

Их взгляды встретились. Пространство между ними на секунду уплотнилось. Полина неувловимым движением головы указала на пустующий стул рядом. Приказ, замаскированный под приглашение.

Ратмир пересёк зал, игнорируя шепотки за спиной. Столичная опала в глазах местной публики была сродни заразной болезни — вызывала и страх, и любопытство.

Он опустился на стул, поставив трость между колен. Правая рука скользнула за борт сюртука.

— Я полагала, Ратмир Николаевич, что петербургские денди брезгуют местным обществом дольше, чем двое суток, — голос Исаевой оказался низким, с едва уловимой хрипотцой. Без фальшивого радушия — только холодная оценка.

— В петербургских клиниках, Полина Андреевна, рекомендуют грязные источники для лечения застарелых недугов, — парировал Калинин. — К тому же ваш салон — единственное место в этой дыре, где не пахнет конским навозом. По крайней мере, явно.

Тонкие губы вдовы дрогнули в подобии улыбки — глаза остались ледяными.

— Вы дерзки для человека, которого сослали сюда умирать от тоски. Говорят, вы перешли дорогу кому-то из министерства. Глупо. Умные люди не играют против тех, кто владеет доской.

— Умные люди знают, что доска всегда симметрична, — Ратмир наклонился ближе, понизив голос. Её духи — что-то терпкое, гвоздика и горький миндаль. — И иногда, чтобы выжить, нужен ход, который кажется самоубийственным. Вы тоже выживаете здесь. Владеете фабриками покойного мужа, держите в напряжении полгорода, собираете сплетни, как ростовщик — векселя. Вы знаете этот город до костей.

Исаева раскрыла чёрный веер, отгораживаясь от душного зала. Взгляд скользнул по скрытой под сюртуком руке.

— Чего вы хотите, Калинин? — спросила она сухо, отбросив светскую шелуху.

— Информации. Кто кому должен. Кто кого ненавидит. Кто способен переступить грань ради эстетики.

Веер в её руках замер. Ум Исаевой, отточенный годами выживания среди хищников вроде Багрова, мгновенно уловил фальшь — он спрашивал не о местной политике, а искал конкретную аномалию.

— Сегодня утром в Сенном тупике перерезали горло Петру Алябьеву, — сказала она едва слышно. — Город гудит, говорят про ограбление, хотя брать с него было нечего. Вы были там с Масловым. Не делайте вид, что это случайность.

— В Гирянске не бывает случайностей. Бывает плохой расчёт, — Ратмир откинулся на спинку стула. Боль в руке стихла, сменившись холодным спокойствием. Игра началась, пути назад не было. — И я не собираюсь ошибаться.

Он достал из кармана свёрнутый лист — ответ Эломору,

написанный час назад: «d7-d5. Ваш ход. Я не играю вслепую. Жду фигуры на свету».

Оставалось доставить его к старому дубу на окраине кладбища — месту, которое Эломор указал в постскриптуме на случай, если «чёрные решат принять вызов».

— Вы не знаете, с чем связались, Калинин, — прошептала Исаева, проследив за его движением. Впервые в голосе мелькнула настоящая тревога. — Это не столица. Здесь бьют в спину ржавым ножом в тёмной аллее.

— Я знаю, — Ратмир поднялся, опираясь на трость. — Именно поэтому не собираюсь поворачиваться к этому городу спиной. Благодарю за приём, Полина Андреевна. Полагаю, мы ещё скрестим шпаги в этой гостиной.

Он направился к выходу, не прощаясь с остальными гостями. Воздух салона, недавно казавшийся просто душным, теперь ощущался липкой паутиной. Пора было на кладбище. Земля ждала первый оплаченный кровью ответный ход.

Ночной Гирянск встретил его осязаемой, влажной слепотой, в которой тонули редкие жёлтые пятна окон. Холодный воздух ворвался в лёгкие, вытесняя сладковатый дух великосветского гниения — после духоты салона контраст ощущался пощёчиной.

Ледяная корка, сковавшая распутицу за последние два часа, зловеще похрустывала под колёсами редких пролёток. Ратмир плотнее прижал к рёбрам искалеченную руку и начал осторожный спуск. Трость, ещё днём вязнувшая в чер-

ноземе, теперь со стеклянным стуком отскакивала от неровностей, грозя выскользнуть из пальцев.

Дорога до погоста петляла сквозь неприглядные районы — кривобокие заборы, приземистые лачуги, похожие на нахохлившихся в темноте птиц. Вдоль неосвещённых улиц тянулись сточные канавы, несло прелыми листьями и нечистотами.

Калинин шёл медленно, тяжело опираясь на набалдашник. Раздробленные кости запястья реагировали на мороз пульсирующей болью, поднимавшейся по предплечью к плечу. Он воспринимал её отстранённо, как неизбежную пошлину за право передвигаться. Разум, привычный к холодному анализу, чертил карту.

Полина Исаева. Савелий Багров. Губернатор Черкасов.

Три тяжёлые фигуры на гирянском участке доски. У каждого — ресурсы, власть и мотивы скрывать истинные намерения. Но кто обладал той патологической дисциплиной ума, что нужна для алгоритма Эломора? Багров слишком прямолинеен — купец привык давить массой, а не плести кружева. Черкасов слишком слаб, его мозг давно утратил способность к многоходовым комбинациям. Оставалась Исаева — интеллект и хладнокровие при ней, хотя женский почерк в подобном насилии — редкость, требующая особого сорта безумия. Впрочем, Ратмир знал: в шахматах ферзь смертоноснее всех именно потому, что не ограничен одним вектором.

Ограда кладбища вынырнула из мрака внезапно. Ржавые прутья напоминали редкие зубы в челюсти мертвеца. За ними начинался хаос — гранитные надгробия фабрикантов соседствовали с прогнившими крестами бедноты, наваливаясь друг на друга, проседая в болотистую почву.

Калинин толкнул незапертую калитку. Петли издали протяжный стон. Внутри пахло старой хвоей, мокрым камнем и той сыростью, что неизбежно сопровождает разложение под землёй.

Он миновал первый ряд склепов — тяжеловесных, купеческих, с фамилиями, вырезанными аршинными буквами, будто и после смерти их владельцы нуждались в том, чтобы их состояние бросалось в глаза. Дальше начиналась беднота: покосившиеся деревянные кресты, безымянные холмики без оград, где земля просела так, что угадывались очертания гробов. Ратмир невольно подумал, что вот она, подлинная геометрия Гирянска — даже мёртвые здесь были рассортированы по имущественному цензу, и граница между богатым кварталом и нищим проходила через кладбище с той же безжалостной чёткостью, что и через живой город.

Ориентиром служил старый дуб на западной окраине, расколотый молнией много лет назад. Найти его в переплетении теней оказалось непросто — луна, пробивавшаяся сквозь рваные облака, давала мертвенно-бледный свет.

Он двигался по узким тропинкам, стараясь не наступать на просевшие холмики, обходя провалившиеся склепы, мыс-

ленно считая шаги, чтобы не заблудиться.

Наконец впереди возник чёрный изуродованный силуэт. Дуб возвышался над крестами, как парализованный великан с обрубком руки, вскинутым к небу. Одна половина ствола сгнила, вторая, в трещинах, похожих на ожоговые шрамы, всё ещё цеплялась корнями за землю.

Калинин остановился. Дыхание со свистом оседало паром в ледяном воздухе. Он осмотрелся — абсолютная тишина, только шорох ветра в голых ветвях. Ни теней, ни движения.

На уровне груди в чёрной коре зияло дупло — рваная рана в теле дерева.

Ратмир переложил трость в больную руку, стиснув зубы, когда пальцы сомкнулись на холодной стали набалдашника. Левой достал записку. Медленно, преодолевая отвращение, погрузил кисть во мрак дупла. Внутри было склизко — влажная труха, липкая паутина. Нащупав дно, он оставил записку там.

Действие заняло секунду, но его тяжесть была несоизмерима с усилием. В этот момент, вытаскивая пустую руку из чрева мёртвого дерева, Ратмир Калинин официально принял условия. Признал юрисдикцию Эломора. Сел за стол, покрытый кровью Алябьева, и двинул свою пешку вперёд.

Вытерев пальцы о ствол, Калинин отступил на шаг. Ему показалось — или это была игра расшатанных нервов, — что темнота между памятниками стала плотнее. Чувство чужого взгляда резануло по затылку.

— Ход сделан, — произнёс Ратмир в пустоту. Голос прозвучал неестественно громко среди могил, сухой, без интонаций. — Теперь посмотрим, как ты защищаешь центр.

Ответа не последовало. Только ворона на соседнем кресте недовольно захлопала крыльями и сорвалась в чёрное небо.

Калинин развернулся и зашагал обратно к калитке. Путь назад всегда кажется быстрее, но сейчас каждый метр давался с трудом — адреналин отступал, уступая место свинцовой усталости. Эломор не ответит письмом немедленно. Правила маньяка требовали ритуала. Следующий ход будет сделан не чернилами. Он будет сделан плотью.

Буква «Б».

До рассвета оставалось несколько часов. За это время Ратмиру предстояло выстроить в уме список жителей Гирянска на вторую букву алфавита и вычислить ту единственную пешку, которую противник решит сбросить с доски. Математика смерти набирала обороты, и в этой партии больше не было места для ошибки. Он покинул кладбище, притворил скрипучую калитку и растворился в замерзающем тумане просыпающегося города.

Глава 4. Защита Филидора

Ожидание выматывало хуже физической боли. У него был свой вес и вкус — вкус медной монеты под языком и застоялой воды.

Ратмир сидел у окна, глядя, как серые сумерки затапли-

вают Гирянск, будто густая грязная пена. На столе перед ним не было доски — он давно перестал нуждаться в деревянных костылях для визуализации партии. Доска горела на внутренней стороне век, расчерченная на шестьдесят четыре квадрата, где каждая фигура несла свою массу и вектор угрозы.

Его ответный ход — пешка на d5 — был вынужденным выпадом, попыткой прощупать центр. Но Эломор молчал уже третьи сутки. Ни новых конвертов, ни трупов в канавах. Эта тишина была красноречивее любого письма: маньяк не принимал открытый бой в центре, он переводил партию в вязкое, позиционное русло, заставляя Калинина тратить ресурсы на ожидание удара, который мог прийти откуда угодно.

Ратмир решил уйти в глухую оборону. Защита Филидора. Старый, надёжный, удушливый дебют: монолитная пешечная цепь вокруг короля ценой отказа от пространства. Фигуры сбиваются в кучу на последних горизонталях, как арестанты в переполненной камере. Здесь не атакуют — здесь терпят, ждут, пока противник не разобьёт лоб о стену или пока напряжение не разорвёт тебя изнутри.

Беда в том, что Гирянск был отвратительной доской для пассивной защиты. Чтобы защищать пешки — людей на букву «Б» — нужно знать, где они и чем дышат.

Калинин поднялся, надел старое суконное пальто, надвинул фуражку на глаза и вышел в сгущающуюся тьму. Сидеть

в четырёх стенах было равносильно слепоте. Нужно было спуститься на самое дно города, чтобы услышать, как бьётся его гнилое сердце.

Нижний Гирянск, за скотобойнями и мыловаренным заводом, не жил — судорожно пульсировал в агонии. Ни мощёных улиц, только колеи с зловонной жижей, где плавали обглоданные кости. Воздух был густ от сивухи, кислого пота и дешёвого табака.

Здесь заканчивалась юрисдикция закона в том виде, в каком его понимали в столице. Городовые сюда заглядывали разве что группами и засветло, да и то без особой охоты — по негласному соглашению, освящённому годами, Нижний город принадлежал Багрову так же безраздельно, как Дворянская улица принадлежала губернатору. Ратмир, привыкший к сословной иерархии Петербурга, где даже трущобы имели свою, пусть уродливую, но структуру, здесь ощущал нечто иное — полное отсутствие всякой структуры, энтропию в чистом виде, которую не мог упорядочить ни один свод законов.

Ратмир толкнул дверь трактира «Чёрный ворон» — выгребной ямы, куда стекалась вся местная накипь: от спившихся мастеровых до беглых каторжников.

Внутри стоял режущий глаза чад. Под закопчёнными сводами гудело человеческое стадо, столы стояли хаотично, залитые пивом. Вдоль стен жались девки с лицами-масками из белил и кармина, предлагавшие тела за штоф водки.

Калинин занял угол, заказал эль, к которому не притронулся. Левая рука привычно легла на набалдашник трости, правая скрылась в кармане. Он превратился в слух и зрение, аналитическая машина внутри черепа методично сканировала пространство.

За соседним столом назревала драка — двое оборванцев хрипло делили медный пятак. Один, харкая кровью, схватил кружку и с тошнотворным хрустом опустил её на переносицу собутыльника. Брызнула тёмная кровь. Поверженный рухнул на пол, суча ногами, пока победитель шарил по его карманам. Никто в трактире даже не повернул головы; хозяин лениво перекинул тряпку через плечо, ожидая, когда можно будет вытащить тело за порог.

Ратмир смотрел на это животное насилие с холодным вниманием. Не игра Эломора. Здесь царил хаос, энтропия. Эломор был архитектором упорядоченной смерти — не стал бы марать руки в потасовке из-за пятака. Ему нужен символизм. Ему нужна буква «Б».

Калинин мысленно перебирал картотеку, собранную за двое суток из скупых архивов Маслова и наблюдений в салоне Исаевой.

Багров. Теневой хозяин города. Убить его — разрушить экономику половины губернии. Окружён охраной. Слишком шумная, слишком сложная мишень для элегантной партии. Борисов? Мелкий лавочник. Слишком незначителен. Богатырев.

Ратмир чуть прищурился на пляшущее пламя лучины. Купец второй гильдии Игнат Богатырев, владелец лесопилок — тучный, самодовольный, любящий пускать пыль в глаза, но без реальной силы Багрова. Заметная и уязвимая мишень. К тому же Богатырев славился педантичными привычками: каждую пятницу ровно в восемь вечера отправлялся в Центральные торговые бани, снимал отдельный номер, заказывал уху, раков и двух самых дорогих девок из местного борделя.

Завтра была пятница.

Мышцы спины непроизвольно напряглись. Если Эломор мыслит так же — а их алгоритмы пугающе схожи, — Богатырев уже приговорён.

Дверь трактира с грохотом распахнулась, впуская клуб холодного воздуха и человека, чьё появление разом понизило градус шума в зале. Игнат Воронов по кличке Клещ, цепной пёс Багрова. Дорогой засаленный тулуп, свежий кривой шрам от уха до подбородка.

Воронов обвёл мутным взглядом притихший зал. Пустые, белесые глаза безошибочно выхватили в полумраке фигуру Калинина. Клещ сплюнул, раздвинул толпу плечами, как ледакол, и вразвалку направился к его столику.

Ратмир не шелохнулся. Левая рука лишь чуть крепче сжала набалдашник — внутри него был скрыт стальной гранёный клинок, о чём в Гирянске пока никто не знал.

— Столичная птица, — прохрипел Воронов, упираясь в

стол двумя татуированными кулаками. От него несло луком и сырой псиной. — Хозяин велел передать. Ты вопросы задаёшь про людей на букву «Б». Хозяину это не нравится. Сиди в своей норе и не мути воду.

— Передай хозяину, — спокойно ответил Калинин, глядя в пустые глаза Клеща, — что если он не хочет закончить с самшитовой пешкой в горле, как бедолага Алябьев, ему следует не угрожать мне, а удвоить охрану.

Воронов оскалился гнилыми пеньками зубов. Рука поползла за пазуху.

— Ты слишком умный для покойника, барин...

Металлический щелчок прозвучал тихо, но резанул по ушам, как выстрел. Большой палец Калинина сдвинул серебряную пластину на набалдашнике — скрытая пружина сжалась, готовая вытолкнуть узкое лезвие французской стали.

Ратмир подался вперёд. Свет коптилки выхватил его заострившиеся скулы и пустые, лишённые инстинкта самосохранения глаза.

— Твоя рука сейчас на рукояти, Игнат, — голос упал до шепота, сухого, как сминаемый пергамент. — Но тулуп тяжёл, а пройма узка. Тебе понадобится секунда, чтобы извлечь клинок. За эту секунду острое моей трости войдёт тебе под челюсть, пропорет мягкие ткани и выйдет через затылок, раздробив первый шейный позвонок. Ты даже не успеешь почувствовать боль — просто рухнешь на этот заблёванный пол, и последнее, что осознаешь, — как местная рвань

обшаривает твои карманы.

Воронов замер. Чутьё, позволившее ему выжить на каторге, истошно вопило об опасности. Он смотрел в лицо человека, который не пытался запугать, а констатировал факт с холодностью анатома над секционным столом.

Клещ медленно вытащил пустую руку из-за пазухи.

— Хозяин предупредил, — процедил он, тяжело поднимаясь. — Дальше сам решай, барин. В этой луже дна нет, захлебнёшься.

Он растворился в дыму трактира. Ратмир не расслабил руку, пока за бандитом не захлопнулась дверь. Только тогда позволил себе выдохнуть. Сердце колотилось тяжёлыми ударами. Боль в руке, заглушённая адреналином, вернулась с удвоенной силой. Защита Филидора требовала колоссального напряжения нервов. Он обозначил позицию на доске Гирянка. Теперь оставалось ждать пятницы.

Вечер следующего дня навалился на город влажным саваном. Морось смешивалась с паром, валившим из труб Центральных торговых бань — приземистого здания грязно-жёлтого цвета, похожего на паровой котёл, пожирающий человеческую плоть, чтобы выплюнуть её обратно распаренной и обессиленной.

Ратмир стоял в тени соседнего лабаза, закутавшись в пальто. Влажность оседала на коже ледяной испариной. Искалеченная кисть горела непрерывным огнём.

Ровно в восемь к крыльцу подкатила пролётка. Рессо-

ры застонали под тяжестью Игната Богатырева — тучного, задыхающегося от малейшего усилия человека в бобровой шапке и медвежьей шубе, делавшей его похожим на ходячий мешок с салом. Следом выпорхнули две девицы в ярких платках, звонко хохоча.

Жертва на букву «Б» прибыла на эшафот по собственному расписанию.

Калинин выждал десять минут, дав купцу занять свой лучший номер, и толкнул дверь бань.

Внутри ударило горячей волной — распаренная древесина, берёзовый лист, дегтярное мыло, пот. Из общего зала валил такой густой пар, что люди казались бесформенными розовыми тенями.

Ратмир бросил на конторку серебряный полтинник.

— Мне нужен отдельный номер. Рядом с Богатыревым.

Старик-банщик смахнул монету, не поднимая глаз.

— Пятый номер занят Игнатом Терентьевичем. Четвёртый свободен. Только кран подтекает, барин.

Калинин кивнул, взял полотенце и пошёл по узкому коридору, обшитому вагонкой, плачущей каплями конденсата. Под ногами хлюпали мостки в мыльной пене.

Номер Богатырева был в конце коридора; из-за неплотно прикрытой двери доносился визг девиц, утробное пыхтение купца, звон бутылочного стекла. Ратмир вошёл в четвёртый номер — узкий пенал с лавкой, жестяным тазом и краном, из которого с шипением шёл кипяток. Он снял пальто, повесил

его на гвоздь и сел, положив трость на колени.

Пар, поднимавшийся от раскалённых камней за тонкой перегородкой, обволакивал его тело липкой, душной пеленой. Ратмир сидел неподвижно, стараясь дышать через нос, экономя силы для той секунды, когда они понадобятся все разом. За долгие годы, проведённые за карточными и шахматными столами, он научился превращать ожидание в подобие транса — состояние, в котором тело замирает, а разум продолжает работать с прежней остротой, только вывернутой внутрь, на самого себя. Сейчас, впрочем, транс не давался. Каждый плеск воды за стеной, каждый смешок девицы заставлял его вздрагивать, вопреки многолетней выучке.

Партия перешла в критическую фазу. Эломор должен был сделать ход.

Ратмир закрыл глаза, вслушиваясь в звуки за тонкой перегородкой. Плеск воды. Шлепок веника. Пьяный смех Богатырева. Фальшивые голоса проституток.

Геометрия коридора была простой: один вход, один выход. Окна-бойницы под потолком, затянутые бычьим пузырем, не пропустили бы и ребёнка. Если Эломор здесь, он должен войти через дверь.

Минуты тянулись густой патокой. Жар усиливал боль в руке до тошноты. Калинин дышал через нос, удерживая раскусок на грани ледяного контроля.

Внезапно звуки за стеной изменились.

Хлопнула дверь пятого номера — резко, но негромко. Де-

вичий смех оборвался, будто кто-то перерезал струну.

Ратмир открыл глаза. Левая рука сжала набалдашник.

Раздался влажный хрип — не крик, а звук, с которым воздух проталкивается сквозь жидкость. Следом — тяжёлый глухой удар, будто мешок сырого мяса сбросили на скользкий пол. Мостки едва заметно завибрировали.

И тут — пронзительный женский визг, полный первобытного ужаса.

Калинин рванулся с места, выбивая плечом дверь своего номера.

Коридор тонул в клубах пара, видимость — два шага. Ратмир бросился к пятому номеру, выставив вперёд трость. Дверь была распахнута настежь, изнутри валил густой туман с тошнотворным металлическим запахом меди.

Он шагнул через порог, щурясь сквозь пар.

Картина была лишена всякого изящества. Эломор не был эстетом в классическом смысле — его искусство заключалось в жестоком натурализме.

Игнат Богатырев лежал на животе, раскинув заплывшие жиром руки. Вода вокруг него меняла цвет — из мутно-мыльной в густую багровую лужу, утекающую в сточный желоб. Из раны на толстой шее толчками била чёрная кровь, смешиваясь с берёзовыми листьями на спине.

В углу, вжавшись в скользкие доски, бились в истерике две обнажённые девицы, покрытые мурашками и брызгами чужой крови.

Ратмир активировал лезвие трости — щелчок потонул в шуме воды. Взгляд скользнул по комнате. Окно-бойница цело. Кроме рыдающих девок и мёртвого купца — никого. Эломор растворился в паре, будто его здесь и не было.

Убийца нанёс один удар — глубокий разрез сонной артерии и яремной вены, снизу вверх, с ужасающей силой. Не потасовка. Забой скота.

Калинин обошёл расширяющуюся лужу и присел рядом с головой Богатырева. Лицо купца, наполовину в кровавой пене, застыло в гримасе непонимания. Концом окровавленного лезвия он приподнял тяжёлую щёку мертвеца.

Сквозь синеющие губы белел кусок отполированного дерева.

Пешка. Вторая белая пешка, забитая в гортань с такой силой, что порвала мягкое нёбо.

В коридоре послышался топот сапог и крики банщиков. Сквозь пар ввалился Маслов, расстёгивая на ходу кобуру, за ним — двое бледных городских.

Полицмейстер замер на пороге, окинув взглядом кровавую баню, визжащих девок и Калинина с обнажённым клинком над трупом.

— Твою мать... — выдохнул Маслов, опуская револьвер. Лицо приобрело пепельный оттенок. — Вы опоздали, Калинин. Или пришли как раз вовремя.

Ратмир выпрямился. В его глазах не было ни шока, ни отращения — только холодный расчёт.

— Я не опоздал, Маслов. Я наблюдал за ходом, — произнёс он ровным голосом, убирая лезвие обратно в трость. — Он вошёл, сделал один разрез и вышел за три секунды. Шлюхи даже не поняли, кто это был. Растворился в общем зале среди десятков голых тел.

Калинин перевёл взгляд на багровую лужу под ногами. Защита Филидора дала трещину. Глухая оборона оказалась бессмысленной против противника, который не признавал препятствий, а просто проходил сквозь них.

— Он играет жёстче, чем я предполагал, — продолжил Ратмир, будто разговаривая сам с собой. Рука в кармане судорожно сжалась от боли. — Буква «Б» уничтожена. Мы теряем темп, господин полицмейстер. И если мы не изменим структуру защиты — Гирянск утонет в этой красной воде ещё до середины алфавита.

Глава 5. Синтаксис мясника

Кровь Богатырева, ввевшаяся в доски банного пола, доказала Калинину одну истину: на физическом уровне Эломор неуязвим. В этой грязной, чавкающей среде маньяк двигался с грацией хищника, для которого распутица и пар были родной средой. Ратмир же, с искалеченной рукой и столичной хромотой, оставался тяжёлой мишенью. Ловить убийцу за рукав в лабиринте гирянских подворотен означало подставить горло под следующий удар.

Требовался перенос партии в иную плоскость — туда,

где мускульная сила теряла вес, уступая место архитектуре рассудка. Если тело Эломора было призраком, его разум имел осязаемые границы, очерченные чернилами на веленовой бумаге.

Комната Амалии Штерн располагалась под крышей обветшалой женской гимназии, здания из потемневшего кирпича, покрытого лишаем сырости. Ратмир поднимался медленно — правое запястье пульсировало болью, будто костный мозг внутри сросшихся осколков заменили толчёным стеклом.

Гимназия в этот вечерний час стояла пустой, если не считать сторожа, дремавшего у входа над початой бутылкой, да редких огоньков в двух-трёх окнах, где засидевшиеся за проверкой тетрадей учительницы боролись со сном при свете сальных огарков. Лестница на четвёртый этаж, где под самой крышей ютились комнаты незамужних преподавательниц — привилегия, слишком щедро именуемая жалованьем, — была узкой и крутой, будто само здание не желало облегчать доступ к тем, кто посвятил жизнь чужому просвещению вместо собственного благополучия.

Дверь отворилась после короткого стука левой руки.

Учительница немецкого и французского, обрусевшая немка Амалия Штерн, была живым воплощением провинциальной нищеты — немногим за сорок, но меловая пыль и недоедание превратили её в бесполоую сухую тень. Седеющие волосы стянуты в тугий узел, за проволочными очками — глаза фанатика, давно променявшего жизнь на мёртвую

структуру грамматики.

В каморке стоял душный полумрак — керосиновая лампа, железная койка, заваленный книгами комод, дубовый стол в чернильных пятнах, занимавший половину пространства.

Калинин прошёл к столу и, стянув перчатку здоровой рукой, положил письмо Эломора между пожелтевших фолиантов.

— Мне нужен разрез, фройляйн Штерн, — сказал Ратмир хрипло. — Не перевод. Не пересказ смысла. Полная препарация. До костей. До последней запятой.

Амалия не задавала вопросов — в Гириянке интеллигенция выживала за счёт умения вовремя закрывать глаза. Она кивнула, придвинула лампу и склонилась над столом.

Начался долгий процесс вскрытия.

Время текло густо. Ратмир сидел на шатком стуле, вытянув больную ногу, наблюдая за немкой с холодным вниманием. Амалия работала как хирург — медной лупой, миллиметр за миллиметром, выписывая обороты на серую бумагу, выстраивая схемы предложений. Тишину нарушало только шипение фитиля да скрип грифеля.

Спустя два часа скрип прекратился.

Учительница сняла очки и устало потёрла переносицу. Её взгляд смешивал профессиональный азарт с первобытным страхом.

— Тот, кто это написал... не просто грамотен, господин Калинин, — голос Амалии шелестел сухо, как старые стра-

ницы. — Его грамотность патологична. Наклон ровно сорок пять градусов. Ни единого отклонения. Нажим пера равномерен и на восходящих, и на нисходящих штрихах.

— Это физиология почерка, — отозвался Ратмир. — Меня интересует скелет. Синтаксис.

Штерн придвинула исписанный лист.

— Языковой скелет здесь страшнее почерка. Архитектура фраз мертва. Ни одного междометия, ни одного наречия, выражающего личное отношение. Текст выхолощен искусственно.

Она провела пальцем по строчке оригинала.

— Дьявол в зазорах между блоками. Послушайте, как строятся придаточные: «Полагаю, петербургская скука и излишняя самоуверенность притупили остроту Вашего ума...» Он не использует привычные союзы — сшивает слова бессоюзной связью и инверсией, характерной для текстов вековой давности.

Ратмир подался вперёд. Боль в руке отступила на второй план — мозг вцепился в фактуру, как голодный пёс в кость.

— Аристократическое воспитание? Домашние учителя старой школы?

— Нет, — покачала головой Амалия с категоричностью эксперта. — Домашнее образование всегда оставляет след французской или немецкой структуры. Здесь же чистейший русский синтаксис, но выдержанный в изоляции. А теперь главное.

Она достала из своей папки потрёпанный учебник церковнославянской грамматики, испещрённый пометками на полях, и раскрыла его на середине.

— Взгляните на это спряжение глаголов в повелительном наклонении, — она ткнула пальцем в страницу учебника, а затем в письмо Эломора. — Точно такая же архаичная форма. Не «сделайте», а «да будет сделано вами». Это не стилизация под старину, Ратмир Николаевич. Это то, как он думает. Такие обороты не заучивают для эффекта — они въедаются в подкорку только через годы принудительного, ежедневного повторения. Ученик обычной гимназии, даже самый прилежный, никогда не заговорит так органично. Это либо монах со стажем в полвека, либо человек, для которого этот язык стал единственным доступным способом выразить мысль в юности — когда мозг ещё податлив, как воск.

Она постучала лупой по слову в конце абзаца.

— Диалектизмы. Не географические — социальные. Эта форма деепричастного оборота. «Ибо» в связке с повелительным наклонением. В свете так не пишут уже лет восемьдесят.

Штерн подняла воспалённые глаза — пламя лампы отразилось в стёклах очков двумя искрами.

— Такой синтаксис формируется только в одном типе заведений. Там, где текст — не средство коммуникации, а догма. Где за неправильное ударение секут розгами на конюшне. Закрытая духовная семинария, ортодоксальная, изолиро-

ванная от светской литературы. Годы заучивания церковнославянских текстов, пока их ритм не въелся в подкорку.

Архитектура Эломора внезапно обрела фундамент. Маньяк оказался не столичным эстетом и не заскучавшим дворянином.

— Семинария... — медленно произнёс Ратмир, сжимая набалдашник трости. В голове перестраивались комбинации. Духовное образование — абсолютная покорность системе и подавление плоти. Если такой разум ломается, он не уходит в хаос. Он создаёт извращённую религию смерти, где убийство — не грех, а обряд.

— Фройляйн Штерн, в Гирянске или губернии есть подобные заведения?

Амалия нервно сглотнула, взгляд метнулся к тёмному окну.

— В сорока верстах, за Выползовскими болотами. Вознесенский скит. При нём до тридцать девятого года действовала закрытая епархиальная школа для мальчиков-сирот духовного сословия. Туда же ссылали трудных подростков, чьи отцы-священники были уличены в растратах или пьянстве. Заведение славилось не столько богословием, сколько усмирением плоти.

Ратмир перенёс вес на левую ногу — стул скрипнул. Правая кисть отозвалась тупым спазмом.

— Усмирение плоти формирует либо тупых животных, либо безупречные механизмы, — голос Калинина оставался

ровным. — Животные режут глотки в пьяном угаре за пятак. Механизмы выстраивают алфавитную симметрию. Расскажите о специфике их текстов.

Учительница поправила дужку очков. Губы дрожали, но профессиональный инстинкт брал верх над самосохранением. Она снова придвинула письмо, будто ядовитую змею.

— Их заставляли переписывать жития мучеников и трактаты отцов церкви тысячами страниц, в холоде, при лучине. Ошибка в ударе каралась батогами по спине. Это выработало абсолютную педантичность. Взгляните на пробелы между словами.

Она придвинула лупу к центру письма.

— Расстояние между словами идентично до миллиметра. Человеческая рука так не пишет — мы сбиваемся от волнения. Здесь ледяная пустота. Эломор контролирует каждое мышечное сокращение кисти, потому что в подкорке зашита память о боли за любую неровность.

Ратмир склонился над столом. Пламя лампы отбросило на обои его изломанный силуэт.

— Значит, мы ищем выпускника Вознесенского скита. Человека, прошедшего через их жернова, сохранившего рассудок — или ту извращённую форму рассудка, которую мы принимаем за гениальность.

— Выпускника или... преподавателя, — едва слышно добавила Амалия.

Фраза повисла свинцовым грузом. Ратмир замер. Ученик

впитывает систему через страх. Преподаватель сам является этой системой — диктует правила, определяет наказание, владеет доской.

— Продолжайте, — приказал он, не сводя взгляда со строчек.

— Почерк не старческий, — немка перебирала черновики со схемами. — Нет тремора на восходящих штрихах. Твёрдая рука. Но возраст выдают не мышцы, а лексика. Посмотрите на конструкцию: «Доску я уже расставил. Право первого хода, как гостю, уступаю Вам...»

Она подчеркнула два слова.

— Он не пишет «партия» или «игра». Он пишет «доску расставил». В семинарском арго конца двадцатых так называли подготовку к экзекуции. «Доска» — скамья, на которой пороли провинившихся. «Расставить доску» — приготовить розги и зафиксировать жертву. Эломор воспринимает Гирянск не как место для интеллектуальной дуэли, а как огромную скамью для порки. А вас, господин Калинин, — как приглашённого экзекутора или, вернее, главного свидетеля своего триумфа.

Калинин выпрямился. Боль в руке отступила, задавленная адреналином. Разум убийцы приоткрыл двери, пахнувшие ладаном, кровью и старыми розгами. Эломор не был скучающим аристократом. Он был инквизитором, вернувшимся, чтобы очистить гниющий город алфавитным кровопусканием.

— Чернила, — Ратмир указал на антрацитовые буквы. — Вы говорили о специфике.

Амалия наклонилась так низко, что седые волосы едва не коснулись раскалённого стекла, и втянула воздух над бумагой, закрыв глаза.

— Железный купорос, дубовые орешки — стандартный рецепт. Но есть примесь, едва уловимая, перебивающая даже запах сырости. — Она открыла глаза, полные первобытного ужаса. — Лампадное масло. Дешёвое, с полыньёю — такое делают в монастырских маслобойнях, чтобы отпугивать крыс от алтаря. Он разводил чернила не водой.

С улицы донёсся пьяный вой, перешедший в хриплый кашель — Гирянск продолжал ночную жизнь, не подозревая, что его судьба раскладывается на морфемы под крышей гимназии.

— Завтра утром вы пойдёте в епархиальный архив, — голос Калинина не терпел возражений. — Я дам вам серебро. Подкупите писаря, соблазните сторожа — мне всё равно, как. Достаньте списки всех воспитанников и надзирателей Вознесенского скита за тридцать лет. Тех, кто выжил, кто бежал, и особенно тех, чьи следы теряются в церковных ведомостях.

— Женщину не пустят в закрытые фонды консистории, — прошептала Амалия, сжимая лупу. — Это запрещено уставом.

— Значит, вы нарушите устав.

Ратмир шагнул к столу, нависнув над учительницей. Пространство каморки сузилось до размеров гроба.

— Вы думаете, что находитесь вне доски, Амалия? Вы уже сделали ход, препарировав его текст. Эломор методичен. Если он узнает, что кто-то вскрыл его код, ваша педантичность не спасёт вас от пешки в горле. Вы работаете на меня не за деньги. Вы работаете за право дышать. Понятно?

Женщина сглотнула, не в силах отвести взгляд от его пустых глаз, и медленно кивнула.

Калинин отступил на шаг. Партия больше не была просто защитой Филидора. Чтобы поймать человека, мыслящего категориями церковных наказаний, Ратмиру придётся самому стать хаосом, разрушающим этот порядок изнутри.

Глава 6. Физиология страха

Кабинет начальника гирянского сыска был идеальной моделью бюрократического чистилища. Воздух — тяжёлый от табачного дыма, кислого пота допрашиваемых и сургуча. Единственное окно выходило во двор, где в слякоти гнила брошенная телега, и свет из невымытых стёкол ложился желтушным оттенком застарелого синяка.

Стены кабинета были увешаны выцветшими циркулярами и списками разыскиваемых — пожелтевшими листами с грубыми гравюрами лиц, которые давно то ли умерли, то ли благополучно осели в соседней губернии под другим именем. В углу, за облезлым канцелярским шкафом, громозди-

лась пирамида нераспечатанных прошений — свидетельство того, с какой скоростью бюрократическая машина Гирянска перемалывала человеческие жалобы в макулатуру, так и не удосужившись их прочесть.

Ратмир сидел на жёстком венском стуле, прямо, не касаясь спинки. Левая рука методично поглаживала набалдашник трости, правая пряталась в кармане пальто. Боль сегодня сменила тональность — перестала пульсировать, превратилась в ровный глухой гул на уровне предплечья.

Эдуард Маслов стоял спиной к столу, глядя в мутное окно, тяжело дыша. Тишину нарушало только тиканье настенных часов.

Полицмейстер развернулся. Землистое лицо было серым, под глазами залегли тёмные тени. Он подошёл к столу и швырнул на сукно два предмета. Деревянные фигурки покатились, остановившись у края. Две белые самшитовые пешки — одна с въевшимися бурыми пятнами крови Алябьева, вторая с более свежей коркой, вытащенная несколько часов назад из глотки Богатырева.

Ратмир смотрел, как обе фигурки замерли рядом друг с другом на исцарапанном сукне, будто действительно расставленные чьей-то невидимой рукой на клетках доски, различных лишь ему одному. Симметрия этого зрелища — двух одинаковых пешек, взятых с интервалом в несколько дней, но неотличимых друг от друга по замыслу — производила более сильное впечатление, чем сама кровь на дереве.

Убийца не просто повторял приём. Он демонстрировал верность стилю с тем же упрямством, с каким гравёр вырезает клеймо на каждом изделии одной и той же мастерской.

— Физиология страха, Калинин, — хрипло начал Маслов, опираясь о столешницу. — Знаете, как она работает у нормальных людей? У них потеют ладони. Дрожит голос, когда они стоят по колено в чужой крови посреди банного номера. А вы сидели над ещё дёргающимся трупом с обнажённым клинком трости и смотрели на него, как на математическую задачу.

Ратмир не отвёл взгляда. Лицо оставалось маской из бледного камня.

— Вы ждёте от меня истерики, господин Маслов? Петербургские клиники отучили меня от подобных рефлексов. Истерика не останавливает кровотечение.

— Истерика доказывает, что вы человек! — Маслов ударил кулаком по столу. Пешки подпрыгнули. — Вы не были удивлены. Ни на йоту. Вы ждали этого удара.

Он обошёл стол и остановился вплотную к стулу.

— Вы знали, что он там будет. Вы пошли следом. Зачем? Хотели посмотреть, как ваш невидимый партнёр делает ход? Или, — глаза сузились в щели, — контролировали качество исполнения?

Калинин медленно поднял голову.

— Если бы я управлял этим процессом, полицмейстер, я бы не оставил вас в живых ещё в ту минуту, когда вы при-

несли мне первую пешку. Моя левая рука вполне способна удержать нож.

— Слова. Сухие, пустые слова столичного сноба, — процедил Маслов, доставая мятую папиросу. Спичка сломалась с первого раза, вторая зажглась. — Черкасов сегодня рвал и метал. Богатырев был кошельком половины уездных чиновников. Его смерть — выбитая опора моста. А вы — единственная чужеродная деталь в нашем механизме. До вашего приезда в Гириянке резали друг друга по пьяни или из-за баб. А теперь им забивают шахматы в глотку.

Ратмир сомкнул челюсти. Маслов был слеп — искал классический мотив в партии, построенной на иных законах.

— Вы мыслите категориями выгоды, Эдуард Маслов. Это ошибка, которая будет стоить городу ещё десятка жизней, — голос Калинина заполнил кабинет. — Вы смотрите на Богатырева как на кошелёк. Эломор смотрел на него как на букву.

— Опять ваш алфавитный бред? — Маслов выпустил дым через ноздри. — Алябьев — «А», Богатырев — «Б»? В Гириянке сотни людей на «Б». Почему именно купец?

— Потому что замечен. Потому что педантичен. Потому что идеально подходит для ритуала, — Ратмир перенёс вес на левую ногу. — Я провёл ночь, изучая синтаксис его письма, привлёк эксперта. То, с чем мы столкнулись, не имеет отношения к переделу собственности. Эломор — продукт закрытой духовной семинарии. Возможно, Вознесенского скита.

Маслов замер. Папироса дрогнула, роняя пепел на пол. Упоминание скита будто смыло напускную агрессию, обнажив глубоко запрятанный страх.

— Скит закрыт пятнадцать лет назад, — глухо ответил он. — Там ничего не осталось, кроме гнилых стен и крыс.

— Стены сгнили. Система осталась, — Калинин подался вперёд. — Их ломали. Заставляли переписывать священные тексты, выбивая батогами малейшую ошибку в ударении. Они впитали структуру как единственную форму существования. Для Эломора алфавит — не порядок. Это Букварь наказания. Он не убивает, Маслов. Он карает. Выстраивает идеальный текст из мёртвых тел, где каждая жертва — слово на своём месте.

Часы тикали, как удары молотка по крышке гроба. Маслов рухнул в кресло, глядя на две окровавленные пешки. В его глазах Ратмир увидел то, что искал: понимание, а следом — липкий, парализующий ужас.

— Значит... следующая...

— Буква «В», — холодно констатировал Калинин.

Маслов поднялся, будто преодолевая сопротивление воды, и подошёл к железному шкафу. Ключи звякнули в дрожащих пальцах. Заскрежетал замок. Он извлёк толстый фолиант в потёртой телячьей коже — податную книгу, реестр гирянских душ, — и бросил его на стол рядом с пешками, подняв облачко вековой пыли.

— У нас в уезде почти сорок тысяч душ, Калинин, — про-

хрипел Маслов, листая пожелтевшие страницы. — В самом городе — около двенадцати тысяч. Буква «В»... вы понимаете, какой это массив?

Ратмир не двинулся с места, продолжая поглаживать набалдашник.

— Массив не имеет значения. Мы ищем не случайность — закономерность. Эломор не пойдёт в трущобы за спившимся сапожником. Убийство ради убийства — хаос, а наш мясник презирает хаос. Он карает.

Калинин тяжело поднялся, подошёл к столу. Боль во вспыхнувшей руке прошла от запястья до локтя обжигающей волной — он стиснул челюсти, оставляя лицо неподвижным, оперся здоровой рукой о столешницу и заглянул в книгу.

Столбцы имён. Геометрия чужих жизней, сведённая к чернильным строкам.

— Читайте, Маслов. Кто у нас на свету?

— Волков. Илья Кузьмич. Ростовщик, держит ссудную кассу на Торговой площади. Выпил крови у половины мешан.

— Слишком банально, — отрезал Ратмир, сканируя строчки. — Ростовщик — грех стяжательства. Но Эломор уже наказал за это Богатырева. Он не повторяется. Ему нужен другой порок. Что ещё?

— Воронов, — процедил Маслов, желваки дёрнулись. — Игнат Воронов. Клещ. Цепной пёс Багрова.

Ратмир вспомнил пустые глаза бандита во вчерашнем

трактире.

— Исключено. Эломор — хирург, а не уличный боец. Напасть на Воронова — значит вступить в грязную физическую схватку, где можно получить заточку под ребро. Маньяк наслаждается абсолютным контролем. Воронов слишком непредсказуем как животное. Кто дальше?

Палец Маслова скользил по колонке.

— Введенский. Протоиерей собора. Старик, почти слепой, из дома не выходит...

— Нет. Эломор не тронет церковь напрямую — это нарушит его собственную иерархию, где он сам выступает орудием божьего гнева.

Полицмейстер раздражённо перевернул страницу. За окном собирались тяжёлые тучи, обещаая ледяной мартовский дождь.

— Вы отмечаете все варианты! Воронцова... Анна Воронцова. Содержит швейную мастерскую на Малой Дворянской, шьёт платья для Исаевой и прочих дам. Вяземский, мелкий помещик, проигравшийся в пух и прах. Варламов, хозяин трактира.

Ратмир замер. «Воронцова» скользнуло по сознанию, не зацепившись за логику. Швея. Женщина. До сих пор жертвами были только мужчины. Но если мясник рассматривает город как единый гниющий организм, пол жертвы не имеет значения — имеет значение функция.

— Остановитесь, — тихо приказал Калинин. — Воронцо-

ва. Она шьёт для элиты?

Маслов удивлённо вскинул брови.

— Лучшая модистка в городе. Цены дерёт столичные. Учениц держит в чёрном теле, бьёт за кривой стежок. Обычная баба с тяжёлым характером. Какая в ней символика?

Ратмир закрыл глаза. Доска в его голове перестраивалась. Семинарская логика — гордыня, тщеславие, похоть. Богатырев снял номер с двумя проститутками — похоть и чревоугодие, наказанные ударом по горлу. Алябьев — функция без лица, винтик, убит на улице, как бездомный пёс.

Воронцова. Швея, одевающая городскую гордыню. Та, что прячет гнилую плоть гирянских дам под шёлк, создавая иллюзию благопристойности. Для фанатика, помешанного на усмирении плоти, женщина, украшающая эту плоть, — идеальная мишень.

— Господин Маслов, — голос Ратмира стал механическим. Он смотрел на полицмейстера так, будто тот уже был трупом. — Установите наблюдение за мастерской Воронцовой и за домом ростовщика Волкова. Круглосуточное.

Маслов оперся кулаками о стол, шея налилась кровью.

— Вы в своём уме? У меня пятнадцать городских на весь город! Половина пьёт, вторая берёт взятки борзыми щенками! Чтобы обеспечить наблюдение за двумя адресами, придётся снять посты с рынка и скотобоен!

— Если вы этого не сделаете, город утонет в крови, — отрезал Калинин. — Выбирайте. Мелкие кражи или третья

фигурка в мёртвой глотке. Эломор ускоряется. Алябьев был убит на третий день моего пребывания, Богатырев — на пятый. Интервал сокращается. Он чувствует мою защиту и пытается её проломить.

Резкий звук прервал разговор. В коридоре кто-то истошно закричал, раздался топот, звон упавшего ведра.

Маслов рванулся к двери, выхватывая револьвер. Ратмир остался у стола, перехватив трость так, чтобы палец лёг на скрытую кнопку.

Дверь распахнулась от пинка. На пороге стоял молодой жандарм, бледный как мел, фуражка съехала набекрень.

— Ваше высокоблагородие... там, на крыльце...

— Что на крыльце, идиот?! — рявкнул Маслов.

— Подкинули. Мальчишка-посыльный принёс, сказал — велели передать лично в руки начальнику сыска.

Жандарм дрожащей рукой протянул предмет, завёрнутый в грязную рогожу, насквозь пропитанную чем-то тёмным. Кровь капала на пол с влажным звуком.

Полицмейстер, морщась, подцепил край рогожи стволом револьвера и откинул её.

Внутри лежал нетронутый чёрный конверт. А поверх него, будто чудовищное пресс-папье, покоилась человеческая кисть. Правая рука, отрезанная чисто, по суставу. Пальцы сведены в судороге, ногти посинели.

Калинин почувствовал, как собственная искалеченная рука в кармане отозвалась фантомным ударом боли, словно это

её только что отсекли. Он перевёл взгляд на конверт — на чёрной бумаге не было ни капли крови. Тот, кто положил кисть поверх письма, сделал это с издевательской аккуратностью.

— Чья она? — хрипло выдавил Маслов, пятясь от порога.

Ратмир наклонился. Запах свежей крови ударил в ноздри, но разум, тренированный блокировать эмоции, уже работал в режиме анализа. Мозоли на подушечках пальцев. Мелкие уколы на указательном и большом. Тонкая полоска светлой кожи на безымянном — след от недавно снятого кольца.

— Вы спрашивали, кто следующий на букву «В», господин Маслов? — голос Калинина звучал как скрип льда под ногами. — Прикажите вашим людям немедленно ехать на Малую Дворянскую, в швейную мастерскую. Хотя я уверен, что живой Анну Воронцову вы уже не застанете. Он делает ход конём. И он смеётся над нашей доской.

Ожидание ответа от Эломора закончилось. Партия перешла в стадию открытого, кровавого миттельшпиля, где правила переписывались на ходу.

Глава 7. Цена ошибки

Жёлтый свет лампы в кабинете Маслова, казалось, огибал лежащую на рогоже отсечённую кисть, оставляя её в глубокой тени. Кровь медленно сочилась из обрубка, скапливаясь в выбоинах пола. Ратмир шагнул вперёд. Зловоние свежей плоти ударило в ноздри так, что желудок свело узлом,

но столичная выучка удержала его лицо в мраморной неподвижности.

За те несколько минут, что прошли с момента, как жандарм внёс рогожный свёрток в кабинет, комната успела превратиться в подобие того самого чистилища, о котором Ратмир думал ещё утром. Табачный дым, оставшийся от предыдущей беседы с Масловым, смешался с новым, куда более тяжёлым запахом, и весь кабинет — с его циркулярами, шкафом с нераспечатанными прошениями и пятном сырости на потолке — вдруг показался Ратмиру декорацией для какой-то немыслимой пьесы, в которой ему против воли досталась главная роль.

Он не тронул мёртвую плоть. Опираясь на трость, наклонился и здоровой рукой вытянул из-под кровавого пресса чёрный конверт. Сургучная печать была сорвана — Эломор даже не пытался хранить тайну от полиции, послание предназначалось одному адресату.

Маслов сдавленно закашлялся в углу, подавляя рвотный позыв, но Калинин его не слышал. В ушах стоял глухой гул собственной крови. Он развернул лист.

Две строчки. Идеальный наклон букв, чернила с запахом монастырской полыни.

«Благодарю за жертву в центре доски. Вы оказались щедрее, чем я смел надеяться, Ратмир Николаевич. Размен принят».

Буквы поплыли перед глазами. Дыхание перехватило,

будто в грудь ударили сапогом.

Доска на внутренней стороне век покрылась трещинами. Он вспомнил свой ход, оставленный в дупле на кладбище. d7-d5. Скандинавская защита. Он думал, что проявляет агрессию, блокирует центр. Пытался переиграть сумасшедшего семинариста на его же поле — и упустил катастрофическую истину.

Ход d5 провоцировал размен. На доске это была теория, допустимый риск. На улицах Гириянска риск конвертировался в отсечённую женскую руку.

Эломор убил Воронцову не просто в алфавитном порядке — он убил её, потому что Ратмир позволил это правилами игры. Маньяк принял предложенную жертву.

Тошнотворное чувство вины сдавило лёгкие так, что затрещали рёбра. Искалеченная кисть в кармане взорвалась агонией. Ратмир пошатнулся, трость скользнула по окровавленной половине с мерзким скрежетом.

— Калинин? — голос Маслова донёсся будто сквозь толщу воды. — Что там? Что он пишет, дьявол его дери?!

— Едем, — хрипло выдавил Ратмир, комкая письмо и пряча его во внутренний карман, ближе к сердцу, чтобы бумага жгла, не давая забыть цену ошибки. — На Малую Дворянскую. Немедленно.

Дорога до швейной мастерской слилась в серый коридор ледяного дождя. Калинин сидел неестественно прямо, глядя в мокрую спину ямщика. Аналитическая машина, кото-

рой он так гордился, дала сбой. Интеллект оказался беспомощен перед жестокостью, прикрытой геометрией шахмат. Он полагал, что управляет партией, — а лишь открыл мяснику дверь.

Мастерская Анны Воронцовой встретила их мёртвой тишиной и сорванным дверным замком. Запах железа и сырой ткани стоял так густо, что его можно было резать ножом.

Маслов, выхватив револьвер, шагнул в тёмный коридор. Ратмир шёл следом, каждый шаг отдавался болью в колене и запястье, но сейчас она казалась заслуженным наказанием.

Зал мастерской напоминал декорацию, придуманную безумцем: десятки манекенов, утыканных булавками, стояли в молчании, как зрители. Повсюду валялись куски дорогого шёлка, перепачканные грязными сапогами убийцы.

Тело модистки лежало на закройном столе.

Она была приколата к доскам, как бабочка в коллекции. Тяжёлые портновские ножницы пробили горло, пригвоздив шею к дереву. Правая рука отсутствовала — обрубок туго перетянут шёлковой лентой, чтобы жертва не истекла кровью слишком быстро. Эломор резал её живой. Лицо было искажено предсмертным ужасом, глаза смотрели в потолок, отражая пламя фонаря.

А во рту, между окровавленными зубами, белела самшитовая пешка. Третья.

Калинин подошёл к столу вплотную и заставил себя смотреть, впитывая каждую деталь. Это была его вина. Его ход

— Господи Иисусе... — прошептал Маслов, крестясь. — Он же её препарировал.

— Он взял фигуру, господин полицмейстер, — ответил Ратмир мёртвым голосом, не отрывая взгляда от пешки в разорванном рту. — И сделал это по моим правилам.

Выйти из мастерской оказалось сложнее, чем войти. Мир утратил чёткость, превратился в набор звуков и теней. Он не помнил, как сел в пролётку, как Маслов отдавал приказы оцепить улицу, как экипаж довёз его до мебелированных комнат.

Комната встретила его промозглой стужей. Ратмир не стал зажигать свет, рухнул на край кровати, не снимая мокрого пальто. Трость со стуком упала на пол.

В темноте углов ему мерещились манекены. В шуме дождя слышался хруст разрезаемых суставов.

Он попытался выстроить следующую линию защиты, но доска была залита кровью Анны Воронцовой. Логика рассыпалась, оставался только чёрный ужас перед собственной ошибкой. Нужно было заглушить аналитическую машину — перегрузить рецепторы, чтобы физиология вытеснила психику.

Дверь скрипнула. На пороге возник тёмный силуэт — Лукерья, девка из прислуги, работавшая за еду и медные гроши. От неё пахло щёлоком и капустой. В руках она держала таз с горячей водой.

— Барин... воды велели принести. Промокли вы до костей. Печь растопить?

Ратмир поднял голову. В тусклом свете из коридора его лицо походило на череп, обтянутый кожей.

— Закрой дверь, — хрипло приказал он.

Лукерья замерла. В его голосе не было похоти — было глухое отчаяние загнанного зверя. Она поставила таз на пол, щёлкнула задвижка.

Комната погрузилась в темноту.

То, что произошло дальше, не было близостью. Ратмир не искал её тела — искал забвения, короткого способа отключить сознание от образа распятой на столе модистки. Всё случилось грубо, молча, без единого слова нежности — механика, а не чувство. Лукерья не сопротивлялась: в Гилянске отказать барину означало голодную смерть под забором. Она терпела это так же, как терпела побои хозяйки, — стически, ожидая конца.

Когда всё закончилось, пустота не пришла. Он сидел на краю матраса, чувствуя, как холодный пот заливает лицо. Попытка забвения лишь подчеркнула его ледяное одиночество.

Лукерья молча поправила платье, подхватила таз и бесшумно вышла.

Калинин остался один в темноте. Ошибка была совершенна. Плата внесена. Теперь нужно было перевернуть доску.

Память методично прокручивала анатомию чужой смер-

ти. Разум — холодный червь с тысячей аналитических жвал — продолжал выгрызать черепную коробку изнутри, не оставляя шанса на забытё.

Он лежал, уставившись в невидимый потолок. В воздухе, помимо гирянского тлена, висел кислый запах чужого пота — и отвращение, в первую очередь к самому себе.

Искалеченная рука зажила отдельной от тела жизнью, генерируя поток фантомных импульсов. В абсолютном мраке Ратмир вдруг физически ощутил то, что испытала модистка в последние секунды. Холодный металл ножниц. Хруст хрящей. Тупая пустота на месте отсечённой кисти.

Почему именно правая рука?

Мысль, острая как скальпель, прорезала пелену самобичевания. Эломор был педантом, выросшим на семинарских догмах — в его системе координат не существовало случайных увечий. Правая кисть — инструмент созидания и крестного знамения, а в их дуэли — инструмент, которым делают ход. Отрубив модистке правую руку и положив её поверх конверта, маньяк зеркально отразил травму самого Ратмира. Он отправил послание: «Твоя рука мертва, Калинин. Ты не можешь двигать фигуры. Это делаю я».

Ратмир стиснул зубы так, что в ушах раздался хруст. Сел на кровати, спустил ноги на ледяной пол. Левая рука нащупала спички. Чиркнула серная головка, желтушное пламя лампы выхватило из небытия убогий интерьер.

Свет казался болезненным — обнажал грязные потёки на

обоях, скомканное одеяло и брошенную трость, чей скрытый клинок оказался бесполезен против противника, бьющего из слепой зоны.

Калинин достал из кармана смятый лист — ответ Эломора — и разгладил его на столешнице. Антрацитовые буквы казались вырезанными из обсидиана. Запах полыни возвращал его в каморку Амалии Штерн, где они вскрывали синтаксис мясника.

«Благодарю за жертву в центре доски. Вы оказались щедрее, чем я смел надеяться, Ратмир Николаевич. Размен принят».

Он читал эти слова снова и снова. Слово «размен» цепляло. В классической теории размен предполагает обоюдную потерю материала сопоставимой ценности. Пешка за пешку. Калинин потерял живую женщину. Но что потерял Эломор?

Ответ лежал не в материальной плоскости, а в позиционной.

Ратмир оперся локтями о стол, глаза сузились в щели. Маньяк вышел из тени. Первые два убийства были замаскированы под криминальную обыденность Гирянска — ограбление, поножовщина, если не считать пешек во рту. Но убийство модистки было демонстративным актом, театральной постановкой, кричащей о присутствии кукловода.

Эломор пожертвовал анонимностью. Он заявил о себе открыто, переведя партию в публичную плоскость, — чтобы заставить систему совершать ошибки, продиктованные па-

никой.

— Размен принят, — прошептал Калинин потрескавши-
мися губами. — Ты открыл свои позиции. Ты готов риско-
вать безопасностью ради красного словца в своём кровавом
букваре.

Он поднялся, тяжело опираясь на столешницу, и заставил
себя пройти по комнате, подбирая трость. Защита Филидо-
ра была уничтожена. Глухая оборона привела к катастрофе.
Нельзя защищать буквы, не зная, какое слово собирается со-
ставить противник. Нужно было перестать играть чёрными.

Он остановился напротив мутного зеркала над умываль-
ником. Из амальгамы смотрел человек, больше похожий на
мертвеца: запавшие глаза, серая кожа, складки у рта, проре-
занные цинизмом и болью. Петербургский гений, ссыльный
калека, невольный соучастник расчленения.

Калинин открыл кран. Ледяная вода ударила в ржавую ра-
ковину. Он плеснул в лицо раз, другой, смывая пот и стыд.
Холод возвращал мыслям хирургическую жёсткость.

Он поймал в амальгаме зеркала собственный взгляд и
задержался на нём дольше, чем позволял себе обычно. В
Петербурге, до крушения, он смотрел на своё отражение
с холодным, почти академическим удовлетворением — так
смотрят на хорошо отточенный инструмент. Теперь оттуда
на него глядел кто-то другой: заострившийся, пепельный, с
глазами, в которых читалась не только боль тела, но и пер-
вая трещина в фундаменте его прежней веры в собственную

непогрешимость. Он всегда полагал, что интеллект — это броня. Эта ночь доказала обратное: интеллект способен вычислить траекторию удара, но не способен отменить его последствий. Ратмир отвернулся от зеркала, не желая додумывать эту мысль до конца — сейчас на неё не было времени.

Алфавит диктовал следующий ход. После «А», «Б» и «В» неумолимо следовала «Г».

Кто в Гирянске стоит на эту букву? Кто достаточно значим, чтобы привлечь внимание семинариста-садиста?

Городовой? Слишком мелко для открытой террористической фазы.

Гимназия? Амалия Штерн? Сердце пропустило удар. Немка слишком глубоко влезла в синтаксис Эломора — если у маньяка есть доступ к информации из управления, её жизнь не стоит ломаного гроша.

Но был ещё один вариант, меняющий масштаб трагедии до политического коллапса.

Губернатор. Граф Платон Черкасов.

Слабовольный эстет, топящий никчёмность в коньяке. Символ разлагающейся власти, позволяющей таким, как Багров, высасывать из губернии последние соки. Для ортодоксального ума Черкасов — воплощение греха уныния и бездействия. Устранение губернатора парализует администрацию Гирянска, погрузив город в неконтролируемый хаос.

Калинин бросил полотенце. Если Эломор ударит по Чер-

касову, это будет не ход на доске — это будет опрокидывание самого стола.

Нужно было встретиться с Полиной Исаевой, как только рассветёт. Вдова обладала сетью осведомителей в особняке губернатора — она могла указать на его уязвимости, расписание, привычки.

Ратмир сел за стол, положив искалеченную руку перед собой. Боль всё ещё пульсировала, но теперь была не врагом, а союзником — держала рассудок на лезвии бритвы. Он взял карандаш левой рукой. Острие коснулось бумаги, вычерчивая новые линии. Партия только начиналась, и в этот раз Калинин собирался заставить белые фигуры ходить по минному полю.

Глава 8. Паутина Багрова

Логика маньяка, выстроенная на семинарских догмах и телесных наказаниях, обладала одним изъяном: она была слишком чистой для физической реальности. Утром, когда серый свет просочился сквозь мутное стекло, Ратмир вывел из этого противоречия новую аксиому. Эломор — хирург, препарирующий город. Но архитектор такого масштаба не станет лично бегать по промёрзлым лужам, чтобы подбросить письмо в номер ссыльного.

Он лежал без сна большую часть ночи, прокручивая в голове этот силлогизм, пока боль в раздробленной кисти не заставила его наконец отбросить академическую отстра-

нённость и признать простую вещь: гений, каким бы он ни был, ограничен телом, а тело ограничено временем и пространством. Станкевич не мог одновременно вести переписку, изучать привычки жертв, готовить орудия убийства и разносить конверты по мебелированным комнатам через весь город. У любой, даже самой безупречной архитектуры есть логистика, а логистика — это всегда чья-то ещё пара рук.

Физическая доставка посланий — риск наткнуться на случайного свидетеля, быть облаянным собакой, попасться на глаза патрулю. Идеальная каллиграфия требовала стерильности. Значит, между руками Эломора и адресатом существовал буфер. Курьер. Слепой или жадный элемент городской системы, выполняющий функцию почтового голубя.

В Гириянке подобная инфраструктура не могла существовать автономно. Уличные мальчишки, нищие, бродяги подчинялись законам теневой гравитации, а центром притяжения для криминального дна был купец первой гильдии Савелий Багров. Нанять нищего для доставки отсечённой кисти так, чтобы об этом не узнали в лабазах, — невозможно.

Ратмир застегнул сюртук, скрывая пульсирующую болью руку. Вчерашний срыв оставил лишь пепельный привкус во рту и холодную ясность. Он вышел на улицу, тяжело опираясь на трость.

Путь в промышленную зону пролегал через низину, где город терял человеческий облик. Здесь стояли кожевенные мануфактуры Багрова. Воздух был плотным от извести, ду-

бильных экстрактов, гниющей плоти и аммиака. Грязь под ногами сменилась чёрным настом из спрессованной шерсти и химических отходов.

Деревянные бараки без окон высились над рекой, как туши выброшенных на берег левиафанов. Между ними в клубах жёлтого пара таскали мокрые шкуры полуголые рабочие. Идеальная метафора власти самого Багрова.

Калинин миновал ряды дубильных чанов, игнорируя враждебные взгляды мастеровых. У входа в главный амбар путь ему преградили двое.

Один — детина с лицом, как кусок сырого мяса, с багром в руках. Вторым оказался Игнат Воронов. Клещ стоял, привалившись к косяку, ковыряя в зубах щепкой. Шрам на щеке налился багровым при виде столичного гостя.

— Ба, какие птицы залетают в наши болота, — прохрипел Воронов, сплёвывая под ноги. Он не потянулся за ножом, помня урок в трактире, но поза излучала уверенность хозяина территории. — Ты заблудился, калека. Задохнёшься.

— Мне нужен твой хозяин, Игнат, — ровно произнёс Ратмир, останавливаясь в трёх шагах. — Немедленно.

— Хозяин занят. Он с падалью не разговаривает, он с неё шкуры дерёт.

— Если не пропустишь меня через пять секунд, — Калинин склонил голову, глядя пустым взглядом, — полицейстер Маслов сегодня же нагрянет на ваши склады на Малой Торговой. Адреса я расписал в записке у доверенного чело-

века. Если не вернусь через час — бумага ляжет на стол губернатора.

Мышцы на лице Клеща дёрнулись. Он знал, что изгнанник не блефует. Воронов, с показной ленцой, отстранился от косяка и толкнул тяжёлую дверь.

— Заходи. Только дыши реже.

Внутри амбара царил густой полумрак, штабеля кож источали терпкий запах дёгтя. В конце лабиринта, за дубовым столом, сидел Савелий Багров.

Купец казался ещё массивнее, чем в салоне Исаевой. В расстёгнутой косоворотке он походил на языческого идола из мореного дуба, шумно дышал — астма и вес брали своё в химической духоте. Увидев Ратмира, он не встал.

— Ты ходишь по тонкому льду, Ратмир Николаевич, — пророкотал купец. — Мои люди сказали, ты шантажом пролез в контору. В Петербурге за такое вызывают на дуэль, а в Гирянске — кормят раков на дне реки. Привязанными к жернову.

Калинин, прихрамывая, подошёл к столу и опустился на табурет, не дожидаясь приглашения.

— Если мы начнём мериться угрозами, Савелий Лукич, потеряем время, которого у города не осталось. Река и раки — ваша епархия. А расчленённые трупы — епархия того, кто ломает вашу доску.

Багров сцепил на животе пухлые пальцы в перстнях.

— Ты про Богатырева? Купец был дурак, любил похва-

стать, портить девок. Кто-то из должников не выдержал да чиркнул по горлу в парной. Полиции дело, не моё.

— Богатырева убили не из-за долгов, — Ратмир наклонился вперёд. — Ему забили в горло деревянную фигуру. Как и Алябьеву тремя днями раньше. А вчера модистке Воронцовой отрезали правую руку живьём. И тоже оставили пешку. Это система, Багров. И она плевала на ваш авторитет.

Воздух в амбаре стал плотным. Купец перестал тяжело дышать, лицо приобрело оттенок сырой глины — новость о модистке явно ещё не дошла до трущоб.

— Шахматы, говоришь... — Багров почесал щетинистый подбородок, в глазах мелькнула звериная догадка. — Значит, слухи не врут. Кто-то играет с тобой в кости человеческими жизнями?

— Выходит так. И мне нужно знать, как он общается с внешним миром. Убийца не марает руки доставкой писем — нанимает курьеров, мальчишек с рынка. Ни один оборванец в Гирянске не возьмётся за такое, не отстегнув вашим смотрящим.

Багров откинулся на скрипнувшее кресло, откусил кончик сигары и сплюнул в угол.

— Ты пришёл обвинить меня в пособничестве мяснику?

— Я пришёл предложить вам сохранить империю, — парировал Калинин. — Когда городом овладеет паника, Черкасов введёт комендантский час, пришлют солдат из губернии — вашим тропам конец. Мне нужен тот, кто разносил

конверты. Кто ему платил?

Долгое время слышалось только шипение сигары. Купец переоценивал ценности: убытки от военного положения пугали его больше абстрактного маньяка.

— Мои люди ни при чём, — наконец прогудел Савелий, стряхивая пепел. — Мы контролируем дно — ворьё, шлюх, нищих. Но мальчишка, который принёс вчера посылку жандармам... его нашли утром в канаве за скотобойнями. Шея сломана, чисто, без крови. Твой игрок зачищает концы.

Ратмир стиснул челюсти. Эломор не оставлял зазоров.

— Кто передал мальчишке посылку? Даже мертвецы оставляют следы до смерти.

Багров недобро усмехнулся, блеснув золотыми зубами.

— Не утаишь, это верно. Пацан перед тем, как сгинуть, похвастал перед корешами. Показал монету. Ему заплатили не медью — золотым империалом. Новеньким, столичного чекана. На дне таких денег не водится, барин. Они пахнут не нашей дубильной кислотой — французскими духами и коврами.

Купец подался вперёд, понижая голос до рычащего шёпота.

— Твой маньяк не из подворотен. Мальчишка сказал, заказчик прятал лицо за высоким воротником, но от него несло чистотой. И трость у него была с серебряной ручкой. Прямо как у тебя. Только он не хроمال. Ищи в верхнем городе. Среди тех, кто пьёт шампанское в салоне Исаевой, пока мы

здесь дышим дерьмом.

Ратмир не отвёл взгляда. Аналитическая машина совершила леденящий поворот. Золотой империал. Высокий воротник. Трость с серебряным набалдашником.

Детали складывались в узор страшнее простого социального контраста. Эломор не просто нанимал курьеров — конструировал иллюзию, прикрываясь визуальным двойником самого Калинина. Силуэт столичного калеки с серебряной тростью, блуждающий в трущобах, — идеальное алиби для мясника и одновременно издевка над противником. Если кто-то из нищих переживёт встречу с курьером, показания укажут на ссыльного столичного сноба.

— Трость с серебряной ручкой, — повторил Калинин, переводя взгляд на собственную трость между колен. — Он перехватывает мою тень, Багров. Хочет, чтобы дно боялось меня, пока сам остаётся чистым.

Савелий Лукич хмыкнул, перекатывая сигару. Его интересовала только геометрия прибыли.

— Твоя тень, чужая тень — мне без разницы. Дно и так тебя не жалует. — Купец навалился на стол. — Я дал тебе наводку. Мальчишку убили, но золотой империал остался в его кулаке. Мои люди разжали пальцы. Монета новенькая, без царапин. Такие не ходят по кабакам. Такие лежат в бархатных шкатулках.

— Вы отдадите её мне?

— Нет, — Багров оскалился золотой фиксой. — Золото

есть золото, останется в кассе. Но скажу вот что: профиль императора на монете был протёрт фланелью. Кто-то из ваших благородий имеет привычку полировать монеты перед тем, как класть их в кошель. Педантизм. Брезгливость.

Калинин мысленно зафиксировал деталь. Брезгливость к грязным деньгам, характерная для человека, воспринимающего мир как нечто нечистое, требующее стерилизации, — идеально ложилась на портрет выпускника Вознесенского скита.

— Ещё одна странность, — Багров понизил голос, будто опасаясь, что его услышат стены собственного амбара. — Мальчишка говорил, этот в высоком воротнике не торговался. Ни полслова про цену. Просто сунул монету и назвал адрес. А ведь на дне за медный грош удавятся, барин. Каждый норовит выцыганить лишнюю копейку. А этот — как барин с барином. Будто ему всё равно, сколько платить, лишь бы дело сделано было чисто.

— Равнодушие к деньгам при готовности платить щедро, — медленно произнёс Ратмир, взвешивая эту деталь наравне с остальными. — Не жадность и не расчёт. Функциональность. Он тратит золото так же, как тратит время и кровь — ровно столько, сколько нужно для идеального результата, ни капель больше.

— Твоя сделка, Багров, — Ратмир начал подниматься, колена хрустнуло. — Вы остаётесь в стороне, не ищите Эломора. Но если на ваших тропах появится человек с золотом

столичной чеканки и серебряной тростью — дадите знать. Не Маслову. Мне.

Багров кивнул, выпуская облако дыма.

— Идёт. Но запомни, столичная птица. Если твой мясник начнёт резать моих людей, или сюда заявятся жандармские цепи из губернии, — я не стану разбираться в ваших шахматах. Просто прикажу Клещу вспороть тебе живот от паха до горла и сбросить с моста. И никакие спрятанные записки тебя не спасут.

— Справедливо, — холодно отозвался Калинин. — Геометрия силы. Ценю вашу прямолинейность, Багров. В этом городе она — редкость.

Он зашагал к выходу через кожаный лабиринт. Запах химикатов разъедал слизистую, но Ратмир дышал ровно, концентрируясь на каждом шаге.

У дверей ждал Клещ, смерил Калинина мутным взглядом и с демонстративным лязгом задвинул засов.

На улице сырость ударила ледяной пощёчиной. Туман, смешанный с заводским дымом, стал ещё гуще. Ратмир остановился, переводя дыхание. Боль в руке, притихшая во время разговора, вернулась горячим свинцом. Он позволил себе минутную слабость — прислонился плечом к мокрой стене лабаза.

Паутина Багрова была соткана из прочных нитей, но Эломор проскользнул сквозь неё, не зацепившись. Золотой империал, отполированный фланелью, сужал круг подозревае-

мых. Губернатор Черкасов? Вечно пьян, руки трясутся — вряд ли способен на хирургическую твёрдость ударов в бане и мастерской. Кто-то из заезжих офицеров? Обедневшие дворяне?

Или Полина Исаева?

Женщина, контролирующая половину капиталов Гирянска. Умна, расчётлива, есть ресурсы и доступ к золоту. Но хватит ли физической силы, чтобы в одиночку загнать нож в горло массивному купцу? Калинин вспомнил её узкие бледные кисти. Силы могло не хватить, но Эломор играл на внезапность. К тому же вдова могла действовать не сама.

Нет. Структура писем была слишком эгоцентричной. Убийца наслаждался процессом лично. Он «расставлял доску» сам.

Ратмир оттолкнулся от стены. Нужно было возвращаться в верхний город. Жертва на букву «Г» уже выбрана, маятник запущен. Если Эломор нацелился на элиту, искать его следует не в переулках, а на паркете гостиных.

Дорога вверх давалась с трудом — глина налипала на подошвы пудовыми гирями. Калинин шёл, выстраивая алгоритм разговора с Полиной Исаевой. Ему был нужен доступ к её архивам, к грязному белью гирянского света. Человек с золотыми империялами и маниакальной страстью к чистоте.

Он миновал Торговую площадь — уродливый, хаотичный котёл: торговки с мороженой рыбой, скрипучие телеги, серая жижа. Возле ссудной кассы Волкова маячил переодетый

городовой — Маслов всё же выставил посты. Но Калинин понимал: это бессмысленно. Эломор не ударит там, где его ждут.

Свернув на Дворянскую, где мостовая была выложена ровным булыжником, Ратмир почувствовал, как меняется акустика города. Шум рынка остался позади, сменившись стуком копыт породистых рысаков. Фасады были оштукатурены, окна — в тяжёлых портьерах.

Особняк Исаевой возвышался в конце улицы за чугунной решёткой. Ратмир подошёл к воротам. Мокрый металл холодила пальцы даже сквозь перчатку. В окнах второго этажа горел свет. Хозяйка была дома.

Калинин потянул за бронзовую рукоять колокольчика. Чистый звон разорвал влажную тишину улицы — звук из другого мира, где не перерезали глотки в банях и не отрубали руки портнихам. Но именно в этом стерильном мире, пахнущем духами, пряталась гирянская зараза.

Дверь отворилась, на крыльцо вышел немой лакей. Он окинул взглядом изгвазданного гостя, его серебряную трость. На лице слуги не отразилось эмоций, но Ратмир уловил едва заметную заминку в движениях. Лакей отступил, приглашая войти.

Глава 9. Королева в тени

Прихожая особняка Исаевой поглотила Ратмира вместе с его промёрзшей грязью. Немой лакей принял из левой руки

изгвазданное пальто. На мраморных плитах остались тёмные разводы от сапог — контраст, доставлявший Ратмиру мрачное удовольствие.

Он не мог отделаться от мысли, что этот дом, безупречный снаружи, был устроен по тому же принципу, что и сама Полина Исаева: идеальный фасад, скрывающий под собой архив чужих грехов. Мраморные плиты, сандаловое дерево, тяжёлый бархат портьер — всё было призвано убеждать посетителя в незыблемости и респектабельности хозяйки, и всё же за этой респектабельностью, Ратмир знал это уже наверняка, скрывался подвал, полный компромата, купленного на деньги, вырученные с чужих слабостей.

В доме стояла ватная тишина. Воздух был пересушен жаром изразцовых печей, пропитан сандалом и горьким миндалем. Эта атмосфера не согревала — она бальзамировала.

— Хозяйка у себя? — сухо бросил Калинин.

Лакей склонил голову и повёл его через парадный зал в анфиладу внутренних комнат, где свет становился тусклее, а окна были затянуты портьерами цвета свернувшейся крови.

Двери малой гостиной отворились.

Полина Исаева сидела за бюро красного дерева, в платье из матового шёлка цвета воронова крыла, туго обтягивавшем стан в жёстком корсете — силуэт шахматного ферзя. В свете лампы с зелёным абажуром её лицо казалось высеченным из слоновой кости.

Она раскладывала пасьянс. Длинные бескровные пальцы

механически переворачивали карты.

— Вы оставляете грязные следы на моих коврах, Ратмир Николаевич, — произнесла Исаева, не поднимая глаз. — Я слышала, город снова не спал. Губернаторский дом гудит, как потревоженный улей.

Калинин опустилсЯ в кресло, поставив трость между колен. Правая рука в кармане отозвалась глухой пульсацией — тепло комнаты заставляло суставы расширяться.

— Ваш пасьянс не сойдётся, Полина Андреевна, — ответил он. — Вы выстраиваете систему там, где правит случайность. Это успокаивает нервы, но не решает уравнений.

— А вы предпочитаете системы без случайности? Шахматы? — Она подняла глаза — в их черноте не было ни сочувствия, ни кокетства, только холодный расчёт хищника. — Говорят, ваша игра сегодня привела к тому, что Анну Воронцову собирали по частям.

Ратмир не дрогнул — он ждал этого удара.

— Её не собирали по частям. Эломор работает чище. Приколол её к столу ножницами и отпилил правую кисть. Наживую, — произнёс он сухо, будто зачитывал справочник. — И оставил мне ответ. Он принял мой размен.

Пальцы Исаевой замерли над зелёным сукном. Она медленно положила карту рубашкой вверх.

— Вы чудовище, Калинин, — прошептала она с мрачным восхищением. — Рассказываете мне о расчленении женщины, которая на прошлой неделе шила мне воротник, и ваш

пульс даже не участился. Вы не лучше того мясника.

— Я хуже, — спокойно согласился Ратмир. — Он действует в рамках больной веры, а я — в рамках холодной механики. И моя механика сейчас даёт сбой, потому что я играю вслепую. Мне нужны глаза, Полина. Глаза, которые видят этот город изнутри.

Он впервые назвал её по имени, без отчества. Дистанция между ними сокращалась, уступая место геометрии тёмного взаимного притяжения.

Исаева поднялась, обошла стол и приблизилась. В воздухе отчётливо запахло горьким миндалём.

Она остановилась вплотную к его креслу.

— Зачем мне становиться вашими глазами? — Она наклонилась, дыхание коснулось его щеки. — Если вступлю в игру, тоже стану фигурой. А фигуры имеют свойство ломаться.

— Потому что вы уже на доске, — Ратмир подался вперёд, сокращая расстояние до нескольких дюймов. — Этот человек зеркалит меня. Ходит по дну Гирянска в плаще с высоким воротником, с тростью с серебряной ручкой. Расплачивается с курьерами столичным золотом. Империялами, отполированными фланелью.

Взгляд Исаевой дрогнул — едва заметно, микроскопическое расширение зрачка. Но Ратмиру этого хватило.

— Вы знаете этот почерк, — констатировал он шёпотом. — Педантичность. Брезгливость к грязным деньгам. Кто в

вашем окружении полирует монеты, прежде чем их отдать?

Полина отстранилась, отвернувшись к окну. Спина в корсете напряглась, как тетива.

— Вы с ума сошли. В свете полно людей со странностями. Черкасов моет руки в шампанском, когда проигрывает в карты.

— Черкасов — трус. А человек, вырезающий глотки, обладает хирургической твёрдостью и уверенностью в своей правоте. Эломор — карающий меч. Он наказывает Гирянск за гордыню, похоть, стяжательство. И ненавидит грязь.

Калинин поднялся, подошёл к ней сзади. Близость её тела, закованного в шёлк и китовый ус, излучала жар. В отличие от Лукерьи, пахнувшей животной покорностью, Исаева пахла властью и скрываемым страхом. Это будило в Ратмире не похоть, а мрачное, интеллектуальное возбуждение — желание вскрыть её разум, как Штерн вскрывала синтаксис мясника.

Он коснулся кончиками пальцев её плеча. Ткань платья была жёсткой, как панцирь.

— Он доберётся до вас, Полина, — голос вибрировал у самого её уха. — Если он карает за пороки — вы ходячая энциклопедия этих пороков. Ростовщичество, манипуляции, власть над чужими судьбами. Вы королева этой выгребной ямы. И когда он дойдёт до буквы «И», ваши деньги вас не спасут.

Она резко развернулась, сбросив его руку. Лицо исказил

гнев, под ним пульсировал чистый инстинкт самосохранения.

— Не смейте мне угрожать!

— Я не угрожаю. Я расставляю фигуры, — он сделал полшага, загоня её в угол между окном и шкафом. — Дайте мне доступ к архивам вашего мужа. Ко всем закладным, тайным векселям, долговым распискам. Дайте мне грязь этого города.

Исаева тяжело дышала, грудь в корсете вздымалась. Она смотрела на его измождённое лицо и видела не спасителя, а инструмент — такое же обоюдоострое лезвие, как скрытый клинок в трости.

Полина подняла руку. Холодные пальцы легли на лацкан его сюртука и медленно скользнули вниз, туда, где под тканью прощупывалась его искалеченная рука.

Ратмир напрягся, но не отстранился.

Её пальцы сжались, причиняя лёгкую, осознанную боль — она испытывала его пределы.

— Вы хотите мою грязь, Ратмир? — прошептала она с низкими, порочными нотами. — Вы уже отравлены. Вы сломаны. И физически, и морально.

— Сломанные вещи обладают острыми краями, Полина. Ими проще резать, — ответил он, не отрывая взгляда от её губ.

Она усмехнулась — жёсткой улыбкой женщины, принимающей правила игры без иллюзий. Рука соскользнула с его

сюртука. В этом жесте не было обещания любви — только согласие на взаимное использование.

— Хорошо, — она отступила, восстанавливая физическую дистанцию, хотя ментальная граница между ними уже стёрлась. — Мой покойный муж был параноиком. Не доверял банкам — только бумаге и компромату. Его архив — анатомический театр гирянского общества. Карточные долги губернатора, грязные секреты предводителя дворянства — там есть всё.

Исаева подошла к дальней стене, обшитой дубовыми панелями, нащупала выступ в резьбе и нажала. Раздался щелчок. Панель отъехала, открывая узкий тёмный коридор, пахнущий пылью и мышами.

— Идите за мной, — бросила она через плечо, беря лампу. — Тот, кто спускается в этот подвал, редко выходит оттуда прежним. Мы спускаемся на настоящее дно этого города.

Ратмир переложил трость в левую руку и шагнул во мрак. Каменные ступени закручивались крутой спиралью. Свет лампы выхватывал только грубую кладку стены. Воздух стремительно терял тепло — на смену сандалу приходил мёртвый запах слежавшейся целлюлозы и окислившихся чернил.

Каждый шаг давался Ратмиру с боем. Колено протестовало, отдаваясь стреляющей болью в бедре. Он использовал боль как якорь, удерживающий рассудок от срыва в панику. Впереди покачивалась спина Исаевой. Вдова не оборачивалась, не предлагала помощи — признавала за ним право на

автономное страдание.

Лестница упёрлась в железную дверь в ржавых оспинах. Полина провернула два тяжёлых засова со скрежетом, похожим на вопль мертвеца.

За дверью скрывался не подвал — склеп, где вместо гробов покоились человеческие репутации.

Стены забраны дубовыми стеллажами: гроссбухи в кожаных переплётках, папки, перетянутые тесьмой, шкатулки с коваными замками. Каждая бумажка лежала на своём месте, каталогизированная с той же педантичностью, с какой ма-
няк-семинарист выстраивал свои смертельные комбинации.

— Мой покойный муж, Илья Андреевич, был человеком без иллюзий, — голос Исаевой приобрёл гулкий резонанс. — Он понимал: истинная власть в Гирянске измеряется не аршинами сукна, а количеством задокументированной грязи.

Ратмир наугад вытянул тонкую папку.

— Карточные долги? — сухо спросил он.

— Мелочь, — Полина забрала документы и бросила их на стол. — Деньги можно украсть или отыграть. Здесь хранится то, что нельзя вернуть. Письма замужних дам к заезжим уланам. Донесения о визитах предводителя дворянства в дома терпимости. Расписки чиновников о взятках фальшивыми ассигнациями.

Аналитический механизм Ратмира начал сортировать вводные. Ему не нужна была вся эта гниль — нужен специ-
фический фильтр.

— Нам не нужны рядовые распутники и казнокрады. Эломор презирает их. Он мнит себя хирургом, вырезающим опухоль. Ищите аномалию. Кто из должников отличается патологической чистоплотностью? Кто платит за молчание чистым золотом?

Исаева нахмурилась и подошла к дальнему краю стеллажей, к самым старым grossбухам.

— Золото... столичный чекан, вы сказали? Илья Андреевич редко принимал звонкую монету — это оставляет след. Багров предпочитает золото, мой муж предпочитал бумагу, пропитанную страхом. Но...

Она замерла над корешком из чёрной телячьей кожи.

— Был один субъект. Особого рода должник. Он не брал ссуды на дело или карты. Он платил ренту за свою биографию.

Полина вытащила тяжёлую книгу на стол, взметнув облачко пыли.

Калинин приблизился, взгляд сфокусировался на бисерном почерке фабриканта. Grossбух хранил не сухие цифры, а летопись человеческих слабостей, переведённую на язык бухгалтерии. Каждая строка была маленькой драмой: имя, сумма, срок, а рядом — пометка убористым почерком покойного Ильи Андреевича о характере залога. Не земля, не дом — чаще всего это были куда более уязвимые вещи: доброе имя, свадьба дочери, место в консистории. Ратмир невольно подумал, что этот подвал был не менее откровен-

ным портретом Гирянска, чем салон Исаевой наверху — только здесь маски снимались не из тщеславия, а из отчаяния.

— За что именно он платил? — голос упал до шёпота.

— За сокрытие происхождения. В Гирянске родословная — пропуск в салоны и к столу губернатора. Этот человек появился около десяти лет назад. Купил имение на окраине, завёл знакомства. Назвался отставным титулярным советником из Петербурга, получившим наследство. Но Илья Андреевич не верил словам — навёл справки через Синод и полицию.

Она перевернула несколько страниц.

— Никакого наследства не было. И титулярного советника с такой фамилией в петербургских списках не значилось. Мой муж раскопал его прошлое. Этот человек — беглый. Не каторжник. Он сбежал из духовного сословия. Из закрытого исправительного учреждения, где провёл всю юность.

В груди Ратмира что-то оборвалось, ухнув в ледяную пустоту. Вознесенский скит. Анализ Амалии Штерн намертво сомкнулся с компроматом Исаевой в единую цепь. Семинария. Педантичность. Золото.

— Имя, — потребовал Калинин, сжимая руку в кармане.

— Настоящего имени в бумагах нет. Илья Андреевич записал его под тем именем, которым он пользуется в городе, — Полина постучала ногтем по строчке. — Он платил за молчание каждый квартал. Ровно двести рублей, новы-

ми золотыми империялами, завернутыми в чистую льняную ткань. Брезговал передавать их из рук в руки — всегда оставлял шкатулку на краю стола.

Ратмир склонился над архивом так низко, что дыхание зашевелило края хрупких страниц.

— Читайте, Полина. Как его называют в вашем салоне, когда он пьёт чай рядом с графом Черкасовым?

Глава 10. Цугцванг

— Его звали Илларион Станкевич, — узкие губы Полины Исаевой едва шевельнулись, выталкивая слоги в затхлый воздух подземелья.

Звук имени был лишён демонического ореола — обычная стёртая уездная фамилия, скрип немазаного колеса. Ратмир провёл пальцами по шершавой бумаге, будто пытаясь считать температуру высохших чернил. Бисерные строчки покойного фабриканта выстраивались в колонки математически выверенного шантажа.

Он ожидал большего от этого момента. Годами тренированный интеллект рисовал ему сцену разоблачения как некий интеллектуальный апофеоз — миг, когда хаос наконец обретает имя и форму, а вместе с ними и уязвимость. Вместо этого имя легло на язык буднично, почти разочаровывающе просто, как ложится на стол проигранная карта. Быть может, подумал он, в этом и заключался урок, который ему только предстояло усвоить: чудовища редко носят имена, достой-

ные их деяний.

Илларион Станкевич. Человек без корней, откупившийся от своего прошлого столичным золотом.

— И где господин Станкевич сейчас? — голос Калинина прозвучал как шелест сухой листвы. Правое запястье прошило тупой болью.

Вдова закрыла тяжёлый грессбух, вновь подняв облачко пыли.

— Нигде, — констатировала она с ледяным спокойствием. — Три недели назад он продал имение на окраине, распродал мебель, распустил дворовых, перевёл капиталы в ассигнации и растворился. Черкасов был уверен, что Станкевич отбыл в Петербург лечить чахотку.

Ратмир отступил от стола, тяжело опираясь на трость. Каменный мешок без окон показался ему идеальной моделью их положения: любой шаг лишь приближает к глухой стене.

Станкевич сжёг свои корабли. Уничтожил уязвимую оболочку, превратившись в чистую функцию — без адреса, без долгов, без привычек, которые можно отследить. Сошёл с доски как фигура, чтобы занять место игрока.

— Цугцванг, — прошептал Калинин, закрывая глаза. Под веками вспыхнула доска, залитая кровью модистки.

— Что вы сказали? — Исаева подняла лампу выше, тени на её лице стали резче.

— Шахматный термин, Полина Андреевна. Ситуация, где право хода — проклятие. Обязанность действовать, но лю-

бая комбинация ведёт только к ухудшению позиции. — Он открыл глаза. — Если я попытаюсь вычислить его следующую жертву на «Г» и устрою засаду, он ударит с фланга, выбрав того, кого мы оставим без защиты. Если прикажу Маслову оцепить город, начнётся паника, и Эломор будет убивать в толпе. Мои попытки перехватить инициативу уже стоили одной женщине правой руки.

Воздух между ними был густым, пропитанным плесенью и напряжением. Вера Ратмира в непогрешимость собственного анализа трещала по швам.

— Значит, вы сдаётесь? — Исаева склонила голову. — Столичный гений пасует перед сумасшедшим семинаристом?

— Сдаться — значит признать его превосходство в классической партии, — Ратмир шагнул к ней. — Выиграть у мясника, который сам пишет правила и меняет их на ходу, невозможно. Победа требует взятия короля, а у Эломора его нет. У него есть только алгоритм.

Он остановился вплотную к столу. Близость Исаевой парадоксальным образом помогала ему концентрироваться.

— Моя цель меняется, Полина. Я буду играть на пат. На идеальный, глухой тупик.

— Пат? — она прищурилась.

— Ситуация, когда король не атакован, но игрок не имеет ни одного легального хода. Эломор — раб своего синтаксиса, своей семинарской педантичности и алфавитного порядка.

Он не может убить человека не на ту букву — это разрушит его архитектурный замысел. Если мы лишим его возможности сделать легальный ход, механизм сломается.

Подъём по лестнице дался Калинину вдвое тяжелее спуска. Когда они выбрались в гостиную, Ратмир тяжело опустился в кресло.

Немой лакей бесшумно поставил на столик графин с коньяком и два бокала.

Исаева наполнила стекло сама и протянула бокал Ратмиру. Их пальцы соприкоснулись — её кожа была ледяной, его рука обжигала жаром.

Он сделал глоток. Обжигающая жидкость не принесла облегчения — алкоголь в этом городе не лечил, только подчёркивал степень разложения.

— Вы собираетесь спрятать всех людей на «Г»? — Полина села напротив, выпрямив спину. — Это сотни человек. Гирянск не шахматная доска, Ратмир. Это болото.

— Мне не нужно прятать всех, — Калинин откинул голову на спинку кресла. — Эломор брезглив. Использует дно, но сам не марает руки о дешёвый материал. Ему нужен символизм. Штерн говорила о гордыне и похоти. Но есть грех, который семинарист Станкевич должен ненавидеть больше всего.

Он опустил взгляд на Исаеву.

— Чревоугодие и коррупция наказаны в лице Алябьева и Богатырева. Тщеславие — в лице модистки. Что остаётся?

Предательство веры. Лицемерие власти.

Тишину особняка разорвал грубый звук — в парадные двери забарабанили с яростью кувалды.

Исаева поставила недопитый коньяк на стол. Ратмир сжал набалдашник — щелчок скрытой пружины прозвучал тихо, но красноречиво.

Шаги на лестнице были тяжёлыми, поспешными. Немой лакей отступил, когда в дверях возник Эдуард Маслов.

Начальник сыска выглядел жалко. С расстёгнутой мокрой шинели на ковры стекала грязная вода, глубоко посаженные глаза дико бегали по комнате. От него несло перегаром, псиной и чистым животным ужасом.

— Вы... вы ошиблись, Калинин, — прохрипел Маслов, опираясь о косяк. — Ваши расчёты... вся эта математика — гниль!

Ратмир лишь повернул голову.

— Возьмите себя в руки. Что произошло?

— Он не стал ждать, пока вы выстроите защиту, — Маслов сплюнул на паркет. — Темп! Вы говорили, он ускоряется. Но он не просто ускорился. Он перешагнул через ступень!

Маслов шагнул вглубь гостиной, вытащил из-за пазухи мокрый кусок ткани и бросил его на столик, между бокалами. Ткань развернулась.

Внутри лежали не конверт и не отрубленная конечность. Две деревянные фигуры. Белая пешка, испачканная свежей

кровью. И белый конь с расколотой надвое головой.

— Сенная площадь... полчаса назад, — задыхаясь, выдавил Маслов. — Двое. В один час, в разных концах квартала. Учитель географии Глебов. И дьякон Данилов.

Воздух в гостиной стал ледяным. Цугцванг замкнулся.

Буквы «Г» и «Д». Одновременно. Станкевич понял, что Калинин меняет тактику, и решил сломать доску быстрее, чем изгнанник успеет выстроить вечный шах.

Исаева опустила обратно на софу, дыхание стало поверхностным. Она считала в уме: Е, Ё, Ж, З... И. От лезвия Станкевича её отделяли четыре шага.

— Подробности, Маслов, — голос Калинина прозвучал буднично — защитный механизм психики. Он коснулся расколотого коня. Края скола были острыми, не зашлифованными. — Где, как, с каким интервалом?

Полицмейстер рухнул в кресло, стянул мокрую фуражку и вытер ею лицо.

— Глебов... Илья Митрофанович. Учитель гимназии, той самой, где ваша немка работает. Нашли в его кабинете. Часов в девять сторож увидел свет.

— Причина смерти? — Ратмир не дал сбиться на лирику.

— Удушение. Не руками. Эта тварь примотала его к стулу проволокой — так, что она прорезала сукно и вошла в мясо. На шею накинута медная дуга от учебного глобуса и стянули винтом сзади. Глебов задыхался минут пятнадцать. Пешка была у него во рту, засунута так глубоко, что сломала

передние резцы.

Ратмир кивнул, фиксируя информацию. Медная дуга от глобуса — издевательский символизм: наказание за расширение мирских горизонтов вместо духовных.

— А Данилов? — подала голос Исаева.

— Нашли минут через сорок, на другом конце города, у стены старой колокольни. Он шёл со всенощной. Ему не перерезали горло и не душили — снесли половину черепа. Вот точно так же, — Маслов указал на расколотого коня, — тяжёлым рубящим ударом. Кровь и мозги разлетелись по кладке на три аршина. Коня он бросил в лужу рядом с телом.

Тишина снова завладела гостиной. Где-то в глубине дома тикали часы.

Ратмир закрыл глаза. Станкевич сломал не только темп — паттерн. Удушение и удар топором требуют разной мышечной механики, разного времени, разного психологического настроя. Глебова он убивал медленно, наслаждаясь агонией. Данилова зарубил быстро, грубо, с яростью уличного грабителя.

Почему конь? Почему расколотый конь вместо пешки?

Калинин открыл глаза. Боль в руке обожгла суставы раскалённым железом.

— Конь ходит буквой «Г», — сухо произнёс он. — В нотации это единственный нелинейный ход, перепрыгивающий через другие фигуры. Эломор перепрыгнул. «Г» — Глебов. «Д» — Данилов. Он совершил ход конём в прямом и пере-

носом смысле. Объединил две жертвы, чтобы разорвать наши логические построения.

— Он смеётся над нами, — прошептала Полина, глядя на кровь на ткани.

— Он не смеётся. Он в панике, — Ратмир поднялся, оперевшись на трость обеими руками. — Станкевич — ортодокс, выпускник закрытого скита. Для него отступление от правил — физическая мука. Он расписал партию на недели вперёд, строго по алфавиту. Но сегодня мы спустились в архив и нашли его имя. Мы нарушили его стерильность.

Маслов заморгал.

— Какое имя? Вы знаете, кто это делает?

— Илларион Станкевич. Беглый семинарист, живший под чужим именем на окраине города. Тот, что продал имение три недели назад. Это он — Эломор.

Полицмейстер медленно поднялся, лицо приобрело оттенок серого пергамента.

— Станкевич? Тихий барин, что жертвовал на сиротский приют и жаловался на мигрени? Да в нём весу было пуда четыре с половиной! Как он мог развалить череп дьякону?

— Безумие даёт силу, о которой физиология не подозревает, — отрезал Ратмир. — И он не просто безумен — загнан в угол собственным графиком. Он понял, что его алиби трещит по швам, что Багров ищет его курьеров. И решил ускорить эндшпиль. Двойное убийство — не тактика. Истерика. Он боится, что мы доберёмся до него раньше, чем он

до буквы «Я».

Калинин сдвинул окровавленную ткань с фигурами в сторону, освобождая пространство для мысли.

— В шахматах есть правило, Маслов. Когда противник играет в блиц, худшее — поддаться его скорости. Если мы начнём бегать по городу в поисках следующих букв, мы проиграем.

— А что вы предлагаете?! — сорвался начальник сыска. — Сидеть здесь и пить коньяк, пока он режет Гирянск по алфавиту?! У меня в мертвецкой не хватает столов!

— Войска не найдут человека, которого официально не существует, — ледяным тоном парировал Калинин. — Станкевич растворился в трущобах. Мы не будем его искать. Мы заставим его прийти к нам.

Исаева выпрямилась, поняв суть предложения раньше, чем оно было озвучено.

— Вы хотите использовать приманку. Выставить на доску фигуру, мимо которой он не сможет пройти.

— Именно, — Ратмир повернулся к ней. — Станкевич карает пороки, уничтожает тех, кто отравляет город по его семинарской логике. Его конечная цель — не мелкие лавочки. Он хочет разрушить верхушку, систему, позволявшую ему годами платить дань за своё существование. Он ненавидит вас, Полина. Вас и ваши архивы. Вы — буква «И». Вы — центр его доски.

Маслов оперся о стол, глядя на Исаеву так, будто уже ви-

дел её на столе патологоанатома.

— Вы предлагаете подставить её?

— Я предлагаю ей сыграть партию чёрными, — Калинин не отводил взгляда от вдовы. — Мы пропустим буквы «Е», «Ж» и «З». Объявим об этом публично. Завтра утром вы, Маслов, через агентуру распустите слух: Илларион Станкевич жив, находится в городе, а Полина Андреевна Исаева намерена передать губернатору документы, доказывающие его причастность к убийствам.

Полицмейстер попятился.

— Вы спятили. Это спровоцирует немедленный удар! Он придёт сюда, чтобы убить её и сжечь бумаги!

— В этом и суть цугцванга, — кривая усмешка тронула губы Ратмира. — Мы ставим его в условия, где он обязан сделать ход. Проигнорирует слух — потеряет контроль, его инкогнито будет раскрыто перед властями. Нападёт — придёт прямо в нашу ловушку. Станкевич педант, ненавидит хаос. Мы предложим ему то, перед чем его ортодоксальный ум не устоит: возможность одним ударом уничтожить главного свидетеля и наказать главный порок этого города.

Исаева обвела взглядом свой кабинет, превратившийся в чертёж будущей бойни, посмотрела на свои кисти, будто уже чувствуя на них холод ножиц. Затем перевела взгляд на Калинина. Столичный калека стоял перед ней в грязном сюртуке, опираясь на трость со скрытым клинком, — но в его разрушенной физиологии крылась та железобетонная струк-

тура, которой так не хватало этому городу.

— В моём доме пятнадцать комнат, — произнесла Полина ровным голосом. — Три входа. Окна на первом этаже забраны решётками, но двери чёрного хода старые. И у меня только один лакей, который умеет держать язык за зубами.

— Этого достаточно, — Ратмир опустил в кресло, чувствуя, как адреналин отступает, оставляя свинцовую усталость. — Мы превратим особняк в глухую коробку. Маслов снимет посты с Торговой площади и перебросит их сюда. Ваши люди оцепят периметр так, чтобы ни одна собака не пискнула. Не под фонарями — они должны слиться с грязью. Маслов потёр шею.

— А если он не клюнет? Если решит добить алфавит по порядку? Если завтра найдём труп аптекаря Епифанова или купца Жихарева?

— Если не клюнет, мы проиграли, — спокойно ответил Калинин, залпом допив коньяк со вкусом пепла. — Но он клюнет. Потому что его гордыня больше его педантичности. Он захочет доказать мне, что способен разорвать мою защиту в любой точке доски.

Ночь за окнами особняка продолжала сеять ледяную морось. Гирянск спал, не зная, что правила его выживания теперь диктуют двое: один — с топором и самшитовыми фигурами, другой — с искалеченным запястьем и ледяной пустотой вместо сердца.

Ожидание нового хода началось. И на этот раз доской слу-

жили не грязные подворотни, а шёлковые ковры Полины Исaeвой.

Часть II. Миттельшпиль в кровавом тумане

Глава 11. Искусство тупика

Рассвет над Гирянском не наступил; ночь просто выцвела, сменив непроницаемо-чёрный цвет на оттенок грязного, застиранного больничного белья. Туман, поднявшийся от промёрзших Выползовских болот, накрыл уездный город плотным влажным саваном. Звуки в нём вязли, теряя геометрию, а запахи, напротив, концентрировались, приобретая тошнотворную плотность. Пахло мокрой печной сажей, скисшим хлебом и тем неуловимым металлическим душком, который всегда повисает в воздухе после массового кровопролития.

Где-то за стеной хозяйка меблированных номеров растапливала печь, и её кашель — тяжёлый, застарелый кашель курильщицы дешёвого табака — доносился сквозь тонкую перегородку с той же неотвратимой регулярностью, с какой тикали часы в кабинете Маслова. Этот звук, обыденный до банальности, казался Ратмиру сейчас почти кощунственным: город хоронил своих мертвецов, а жизнь продолжала течь своим чередом, требуя растопки печей и утренней рюмки для сугреву.

Ратмир Калинин сидел на полу своей меблированной берлоги. Единственная свеча, оплывшая тяжёлыми жёлтыми

каплями, догорала в жестяной плошке. Всю ночь, вернувшись от Исаевой, он не смыкал глаз. Искалеченная правая рука, засунутая за борт сюртука, превратилась в единый пульсирующий сгусток агонии. Раздробленные кости запястья тёрлись друг о друга при каждом неровном вдохе, но эта пытка служила необходимым топливом для его разума — боль не давала сорваться в спасительное забытё, удерживая фокус внимания на грубых неструганных досках пола.

Пол был расчерчен.

Калинин нашёл кусок строительного мела и левой рукой нанёс на гниющую древесину идеальную сетку координат. Шестьдесят четыре квадрата — от колченогой кровати до ржавого умывальника. На этой самодельной доске не было изящных стаунтоновских фигур. Их заменяли предметы гирянской обыденности: огарки свечей, медные монеты, стреляные гильзы, выпрошенные у Маслова, и два куска отполированного самшита, испачканные засохшей кровью — пешка Алябьева и расколотый конь, найденный возле дьякона Данилова.

Миттельшпиль. Середина игры. Фаза, где дебютные заготовки рушатся под тяжестью прямого столкновения плоти и стали.

Ратмир, с хрустом в коленях, перенёс вес на другую ногу. Он просчитывал комбинации на тридцать ходов вперёд. Это был не поиск победы — в классическом понимании победа над Илларионом Станкевичем была невозможна. Убийца не

имел короля, которого можно взять в плен. Убийца сам был доской, ножом и правилами. Калинин выстраивал Искусство тупика.

«Глебов и Данилов, — сухо, одними губами артикулировал Ратмир, глядя на расколотого коня на клетке f6. — Буквы "Г" и "Д". Два трупа в одну ночь. Удушение меридианом и раскроенный череп».

Станкевич сломал собственный педантичный метроном. Он ускорил темп, испугавшись, что архивы вскрыты. Перепрыгнул через логику, сделав ход конём. И этот срыв был главным ресурсом Ратмира. Сумасшедший семинарист, одержимый чистотой и правилами, начал совершать ошибки, продиктованные животным страхом потерять контроль.

Калинин сдвинул медную гильзу — губернатора Черкасова — в угол, заблокировав её огарками — полицейским оцеплением. Затем провёл толстую белую черту прямо по центру доски, отгораживая воображаемую фигуру Полины Исаевой.

Чтобы создать идеальный пат, вечный шах без возможности манёвра, Ратмиру требовалось сковать Станкевича обязательствами его же собственной безумной религии. Маньяк карает пороки. Исаева — квинтэссенция этих пороков, к тому же угрожающая его инкогнито. Ловушка в особняке вдовы уже начала захлопываться. Маслов к утру должен был распустить слух. Оставалось выстроить эшелонированную оборону вокруг дома так, чтобы Эломор смог в неё проник-

нуть, но не смог нанести удар. Он должен увязнуть в коридорах, задохнуться в собственном бессилии, осознав, что каждый его шаг просчитан на тридцать тактов вперёд.

Скрежет половиц в коридоре вырвал его из транса математической абстракции.

Шаги были не тяжёлыми, как у Маслова, и не шаркающими, как у прислуги. Кто-то подошёл к его двери с пугающей, почти невесомой грацией. Ратмир мгновенно перехватил трость. Большой палец лёг на скрытую кнопку, высвобождающую лезвие.

Тишина. Затем — короткий сухой шорох картона по дереву.

Под нижней щелью двери, на грязный пол, легла белая полоска. Кто-то снаружи аккуратно протолкнул письмо внутрь.

Калинин не бросился к выходу. Распахивать дверь означало подставить грудь под возможный удар. Он подождал три минуты, слушая, как удаляются невесомые шаги, сливаясь с шумом утреннего дождя. Только когда коридор окончательно вымер, он тяжело поднялся, подволакивая затёкшую ногу, и подошёл к порогу.

Конверт был чёрным. Веленевая бумага, тяжёлая и фактурная. Сургучная печать отсутствовала — письмо просто сложили вдвое.

Ратмир поднял его, чувствуя знакомый тошнотворный запах дешёвого лампадного масла и горькой полыни. Он вернулся к центру своей меловой доски, сел на табурет и раз-

вернул послание.

Почерк Станкевича не изменился. Тот же мёртвый, идеальный угол в сорок пять градусов, тот же хирургически ровный нажим. Но синтаксис дал трещину. Текст больше не был отстранённым посланием невидимого архитектора. Он пульсировал мрачной, почти интимной одержимостью.

«Вы полагаете, Ратмир Николаевич, что я не слышу скрипа ваших шестерёнок? Вы полагаете, что ваша ловушка, выстроенная вокруг блудницы и ростовщицы Исаевой, — это тайна за семью печатями? Город смердит вашим страхом. Вы прикрываетесь ею, как грязным щитом, пытаясь загнать меня в позиционный тупик. Глупо. Вы мыслите категориями защиты, а я мыслю категориями очищения.

Я вижу вашу доску, начерченную мелом на гнилом полу. Я чувствую, как гниют ваши кости в правой руке. Мы с вами связаны одной болезнью, Калинин: мы оба видим, как этот мир нуждается в жёсткой редакции. Но вы пытаетесь спасти абзацы, которые давно пора вымарать кровью.

Учитель и дьякон — это лишь запятые. Я изменил темп, чтобы показать вам: мои правила пластичны, когда того требует Господний гнев. Вы ждёте меня в доме Исаевой. Вы ждёте, что я приду за буквой «И».

Я приду. Но не обольщайтесь: я не пешка, чтобы послушно шагать на ваши заготовленные клетки. Готовьтесь к цугцвангу, мой столичный друг. Ход снова ваш, но почва под вашими ногами уже отравлена».

Письмо было лишено подписи, но каждая его буква кричала голосом Иллариона Станкевича.

Ратмир перечитал текст дважды. Дыхание стало ровным, ледяным. Станкевич не просто раскусил ловушку. Он принял вызов, трансформировав его в личную дуэль. Маньяк знал, что Маслов распускает слухи. Значит, у него есть глаза в управлении полиции. Или, что ещё хуже, в самом особняке Исаевой.

Письмо было пропитано болезненной интимностью. Станкевич обращался к нему не как к противнику, а как к искалеченному брату по разуму, соавтору этого кровавого текста. «Я вижу вашу доску, начерченную мелом...» Откуда он мог это знать? Метафора — или Эломор действительно нашёл способ заглянуть за мутные окна меблированных комнат?

Калинин смял жёсткую бумагу в кулаке. Его лицо, осунувшееся и бледное, превратилось в хищную маску. Тупик, который он выстраивал, приобретал трёхмерную форму.

— Ты придёшь за ней, — хрипло произнёс Ратмир в пустоту комнаты. — Ты не сможешь не прийти. Твоя гордыня не позволит тебе оставить эту клетку пустой. Ты знаешь о засаде, но считаешь, что твой скальпель острее моей математики.

Он посмотрел на пальцы, испачканные строительным мелом. Эндшпиль начинался не по правилам шахмат, а по правилам скотобойни. Нужно было ехать к Исаевой. Превратить

её дом не просто в клетку, а в стальной монолит, где каждое окно, каждая дверь и каждая половица будут работать на то, чтобы переломать ноги бешеному коню, совершившему свой нелинейный скачок.

Ратмир бросил скомканное письмо на пол, прямо на расчерченный квадрат е4. Поднял трость, поправил сюртук, скрывая ноющую кисть, и шагнул в промозглую гирянскую хмарь, навстречу второму дню кровавого миттельшпиля.

Спуск по узкой тёмной лестнице меблированных номеров дался Ратмиру ценой стиснутых до зубовного скрежета челюстей. Влажный холод, скопившийся за ночь в парадном, безжалостно вгрызался в воспалённые суставы. Деревянные ступени, стёртые тысячами сапог, предательски скользили. Калинин двигался медленно, перенося вес на трость, методично просчитывая каждый шаг, словно неверное движение могло не просто уронить его в грязь, но и нарушить хрупкое равновесие внутри собственного черепа.

Внизу, в каморке под лестницей, скрипнула дверь. Высунилось одутловатое, помятое со сна лицо хозяйки номеров.

— Слыхали, барин? — зашипела она, обдавая Ратмира запахом кислой капусты. — Дьякона-то нашего, отца Данилова... прямо у колокольни ночью порешили. Говорят, голову надвое снесли, как кочан капусты. А в гимназии учителя удавили. Ироды! Конец света на Гирянск надвигается, истинно вам говорю...

— Конец света, любезная, наступает тогда, когда люди на-

чинают болтать вместо того, чтобы запирать двери, — сухо отрезал Калинин, не останавливаясь.

Он вышел на улицу. Гиряnsk тонул в ледяном мартовском тумане, который не скрывал городскую гниль, а лишь придавал ей монументальность. В это утро город дышал иначе — если раньше его дыхание было тяжёлым, пьяным и безразличным, то теперь в нём появилась рваная аритмия животного страха.

Алгоритм Эломора работал безотказно. Массовый террор дал свои плоды.

По пути к особняку Исаевой Ратмир фиксировал изменения в городской геометрии. Лавки, обычно открывавшиеся с первыми лучами, стояли наглухо запертыми. Окна первых этажей ошетинились закрытыми ставнями. Редкие прохожие — кухарки, спешащие на рынок, мелкие клерки — двигались короткими перебежками, вжимая головы в плечи. Они инстинктивно обходили тёмные подворотни, будто те превратились в пасти голодных хищников.

Станкевич добился своего: он парализовал волю города, заставив каждого жителя почувствовать себя потенциальной жертвой в его религиозном букваре.

Калинин шёл, тяжело опираясь на трость, продолжая выстраивать многоуровневые защитные редуты. Маньяк написал, что почва отравлена. Значит, он не просто знает о засаде — собирается использовать сам факт её существования. Оцепить дом Исаевой жандармами Маслова — решение ли-

нейное, а Станкевич мыслит асимметрично. Если дом будет окружён кольцом полиции, семинарист не пойдёт напролом. Найдёт слепую зону. Или создаст её.

Поворот на Дворянскую улицу открыл Ратмиру неприглядную картину казённой бездарности.

Маслов выполнил обещание, но сделал это с грацией пьяного медведя. Вдоль чугунной решётки топтались трое филёров. Переодетые в штатское — грубые тулупы, надвинутые картузы, — но их выдавала армейская выправка, начищенные сапоги казённого образца и то, как их правые руки покоились на животах, скрывая под сукном револьверы.

«Идиоты», — с холодной яростью подумал Ратмир. Для аналитического ума Станкевича эти «замаскированные» посты зияли в городском ландшафте, как красные флажки на волчьей охоте.

Он подошёл к чугунной калитке. Один из филёров, здоровенный унтер с рябым лицом, неловко дёрнулся наперерез, но, узнав ссыльного, которого Маслов велел пропускать беспрепятственно, молча отступил в грязь, козырнув. Калинин даже не посмотрел в его сторону.

Немой лакей открыл тяжёлые дубовые двери прежде, чем Ратмир успел потянуть за ручку колокольчика. В доме Исаевой тоже произошли изменения. Пропал запах горького миндаля и сандала; воздух стал суше, отдавая ружейной смазкой и свежесколотым деревом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.